

Содержание

К изданию монографии Л. Б. Модзалевского о М. В. Ломоносове. <i>И. В. Тункина</i>	4
Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века)	
Предисловие	15
<i>Глава I</i>	
Ломоносов и Тредиаковский (Литературная полемика 1751 и 1755 гг.)	18
<i>Приложение к главе I</i>	49
<i>Примечания к главе I</i>	51
<i>Глава II</i>	
Ломоносов и «О качествах стихотворца рассуждение» (Из истории русской журналистики 1755 г.)	56
<i>Приложение к главе II</i>	83
<i>Примечания к главе II</i>	105
<i>Глава III</i>	
Ломоносов и его ученик Поповский (О литературной преемственности).....	108
<i>Приложения к главе III</i>	186
<i>Примечания к главе III</i>	221
<i>Глава IV</i>	
Ломоносов о своих трудах	247
<i>Примечания к главе IV</i>	316
<i>Приложение</i>	
Библиографический указатель основной литературы, относящейся к жизни и деятельности М. В. Ломоносова	333
Список сокращений	345
Лев Борисович Модзалевский и его вклад в изучение Ломоносова. <i>Н. Ю. Алексеева</i>	349
Указатель имен	369
Список иллюстраций.....	378

К изданию монографии Л. Б. Модзалевского о М. В. Ломоносове

Читатель держит в руках монографию «М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII в.)» старшего научного сотрудника Архива АН СССР¹ и Пушкинского Дома² Л. Б. Модзалевского, впервые издающуюся в полном виде в год 300-летнего юбилея М. В. Ломоносова. Она была защищена в качестве докторской диссертации в Институте литературы АН СССР в 1947 г., но не была издана из-за трагической гибели автора.

Л. Б. Модзалевский, автор свыше 120 научных работ, к середине прошлого века стал признанным авторитетом в изучении научного и литературного наследия М. В. Ломоносова. Кратко охарактеризую основные вехи его жизненного пути.

Лев Борисович Модзалевский³ был не только профессиональным историком-архивистом, но и литературоведом, пушкинистом, археографом,

¹ Первый научный архив России (основан в 1728 г.) в XX в. неоднократно менял свое название и аббревиатуры: Архив РАН (АРАН, 1922–1925), Архив АН СССР (ААН), Ленинградское отделение Архива АН СССР (ЛО ААН, 1963–1991), с 1991 г. — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН, с 2009 г. — СПФ АРАН).

² Созданный в 1905 г. Пушкинский Дом в 1918 г. был включен в систему Российской академии наук (с 1925 по 1991 г. — АН СССР) и также неоднократно менял свое название: Институт новой русской литературы (1930–1931), Институт русской литературы (1931–1935), Институт литературы (1935–1949), вновь Институт русской литературы (ИРЛИ, с 1949 г.).

³ См. некрологи: *Кулябко Е. С.* Л. Б. Модзалевский // Вестник АН СССР. 1948. № 12. С. 28–29; Памяти Л. Б. Модзалевского (1902–1948) // Бюллетени Рукописного отдела / АН СССР; Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом). М.; Л., 1950. Вып. 2. С. 81–82. Биографию отца тиражом всего 100 экземпляров издала его дочь:

текстологом, генеалогом, библиографом, специалистом по истории русской науки и культуры XVIII–XIX вв. Старший сын основателя Пушкинского Дома, члена-корреспондента РАН Б. Л. Модзалевского (1874–1928) от первого брака, он родился 27 июля (9 августа старого стиля) 1902 г. в С.-Петербурге, учился в бывшей гимназии К. И. Мая (1910–1919) и на этнолингвистическом отделении факультета общественных наук (с 1925 г. факультет языкознания и материальной культуры) Петроградского-Ленинградского государственного университета (1919–1925). Как ученый он сформировался в Пушкинском семинарии под руководством Ю. Г. Оксмана⁴. В тяжелые послереволюционные годы Лев Борисович еще студентом начал свой трудовой путь в системе Российской академии наук, подрабатывая сначала как временный научный сотрудник в Книгохранилище академических изданий АН СССР (1 июня 1919–1921), затем как агент для поручений по канцелярии Правления РАН, помощник заведующего по хозяйственной части, секретарь и заведующий делопроизводства Строительной комиссии РАН (1921–1925).

После окончания университета вся дальнейшая деятельность Л. Б. Модзалевского была связана с Архивом АН СССР, в котором он вырос в крупного ученого-архивиста и палеографа. Здесь он служил до конца своих дней: с 5 декабря 1925 г. помощник архивиста, затем ученый архивист, старший ученый архивист, старший специалист (1934), старший научный сотрудник. Благодаря его знаниям в академических архивах были открыты и описаны считавшиеся утраченными бумаги академиков Г. И. Лангсдорфа⁵ (1774–1852) и И. И. Редовского (1775–1807). Л. Б. Модзалевский являлся составителем научного описания «Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР»⁶, ставшей настольной книгой для каждого специалиста по истории русской науки века Просвещения, составителем и редактором ряда книг серии обозрения архивных материалов Архива АН СССР⁷, научным редактором (совместно с профессором А. И. Андреевым) первых «Ломоносовских сборников» (1940, 1946). В последнее десятилетие жизни ученый с 1939 г. являлся членом Комиссии по истории Академии наук (КИАН) под председательством акад. С. И. Вавилова, в 1946–1947 гг.

Модзалевская Т. Л. Лев Борисович Модзалевский (1902–1948): Страницы жизни. СПб.: б. и., 2009.

⁴ *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 221.

⁵ [Модзалевский Л. Б.] Архив АН [О материалах Г. И. Лангсдорфа] // Вестник АН СССР. 1931. № 2. Стлб. 52–53; Материалы экспедиции академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию в 1821–1829 гг.: Научное описание / Изд. подготовили Д. Е. Бертельс, Б. Н. Комиссаров, Т. И. Лысенко; под ред. Л. А. Шура. Л., 1973. С. 3, 37.

⁶ Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР: Научное описание / Под ред. Г. А. Князева, сост. Л. Б. Модзалевский; авт. пред. Б. Н. Меншуткин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 (Труды Архива АН СССР. Вып. 3).

⁷ Архив Академии наук СССР: Обозрения архивных материалов / Сост. Л. Б. Модзалевский, ред. Г. А. Князев. Л., 1933 (Труды Архива АН СССР. Вып. 1); М.; Л., 1946 (Труды Архива АН СССР. Вып. 5).

занимался углубленным изучением истории Академии наук при работе над первыми двумя томами ее трехтомной истории⁸, был членом специальной комиссии АН СССР по созданию Ломоносовского музея в здании Кунсткамеры⁹, автором утвержденного президентом АН СССР акад. С. И. Вавиловым предварительного плана и объяснительной записки о новом академическом издании «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова¹⁰, составителем и автором обширных комментариев значительной части десятого тома («Письма 1737–1765 годов») этого издания, опубликованного уже после смерти Л. Б. Модзалевского¹¹. При участии ученого была переиздана биография М. В. Ломоносова, написанная химиком Б. Н. Меншуткиным (1874–1938), с дополнениями академика С. И. Вавилова, П. Н. Беркова и Л. Б. Модзалевского на основе новых документов основателя русской науки, выявленных в Архиве АН СССР¹².

Параллельно со службой в академическом архиве по совместительству и договорам Л. Б. Модзалевский работал в Институте новой русской литературы (ныне ИРЛИ) АН СССР, главным образом как специалист по творчеству А. С. Пушкина¹³. После смерти отца он получил место сверхштатного научного сотрудника (10 апреля 1928 – ноябрь 1929 г.) и занимался разбором эпистолярия М. И. Семевского. Первые его научные работы были посвящены творчеству А. К. Толстого, последующие — М. Ю. Лермонтову, Н. А. Добролюбову, В. А. Жуковскому, Н. В. Гоголю, но главной темой его исследований стало изучение жизни и литературного наследия А. С. Пушкина и его эпохи. Л. Б. Модзалевский в качестве ученого специалиста на полставки (был занят два часа в день) и внештатного старшего научного сотрудника сформировал из разных поступлений в сердце Пушкинского Дома — Рукописном отделе — современный Пушкинский фонд, включающий автографы поэта и пушкиниану (ф. 244). Он являлся фактически первым штатным хранителем Пушкинского фонда (15 декабря 1933–1941 г.), и наконец, заведующим Рукописным отделом (1 августа 1943 – 1 мая 1948 г.). В 1929 г. им было издано описание рукописей Пушкина, хранившихся тогда в Государственной публич-

⁸ СПФ АРАН. Ф. 7, оп. 1, д. 544, л. 3–4. Вышло только два тома: История Академии наук СССР. Т. 1: 1724–1803. М.; Л., 1958; Т. 2: 1803–1917. М.; Л., 1964.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 7, оп. 1, д. 519, л. 34.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 7, оп. 1, д. 519, л. 32.

¹¹ *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 10 / Под ред. А. И. Андреева, Г. П. Блока, Г. А. Князева. М.; Л., 1957; Сочинения М. В. Ломоносова / Подготовил к печати и комментировал Л. Б. Модзалевский, под ред. акад. С. И. Вавилова. М.; Л., 1948. Т. 8.

¹² *Меншуткин Б. Н.* Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. Изд. 3-е, доп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

¹³ О его работе в ИРЛИ см.: Пушкинский Дом: Материалы к истории, 1905–2005. СПб., 2005. С. 74–75, 342–344, 486–487; *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома... С. 177–178, 202, 217, 221, 267, 269, 276, 296–300, 302–304.

ной библиотеке, а в 1937 г. — описание рукописей поэта Пушкинского Дома¹⁴, ставшие образцом подобных изданий для следующих поколений архивистов. Л. Б. Модзалевский в качестве члена (с октября 1933 г.) и учёного секретаря (1945–1946) вел большую научно-организационную и собирательскую работу в Пушкинской комиссии АН СССР. Пушкину и его эпохе посвящено свыше 100 работ ученого — именно Л. Б. Модзалевский доказал принадлежность А. С. Пушкину лицейской поэмы «Тень Фонвизина» (1815)¹⁵, а его подробные историко-биографические и литературные комментарии к переписке в академическом «Полном собрании сочинений» поэта являются своеобразной энциклопедией той эпохи.

В начале Великой Отечественной войны 12 сентября 1941 г. Л. Б. Модзалевский был временно уволен из Института литературы по сокращению штатов, оставаясь штатным сотрудником Архива АН СССР. Он участвовал в рытье окопов и тушении зажигательных бомб, а также в спасении научных и культурных ценностей в учреждениях Академии наук. Именно он вывез ценнейший архив Пулковской обсерватории за первые 100 лет его существования перед взятием Пулково фашистами. С трудом пережив первую блокадную зиму¹⁶, 12 июля 1942 г. Лев Борисович вместе с семьей был эвакуирован в Елабугу (Татарстан), где стал заведующим кафедрой русской литературы вывезенного в этот город Воронежского университета (1942–1943). Оттуда летом 1943 г. ученый был переведен в Казань и с 1 августа возглавил эвакуированный Рукописный отдел Института литературы АН СССР, занимался деконсервацией вывезенных рукописей. Именно в Казани был начат его фундаментальный труд о великом русском математике Н. И. Лобачевском, опубликованный уже после смерти ученого Комиссией по истории АН СССР¹⁷. В годы войны Л. Б. Модзалевский — ученый секретарь Музейной и Архивной комиссий АН СССР (1943–1948), неоднократно командировался в Москву, Казань, Новосибирск, Томск, Свердловск для обследования состояния эвакуированных музейных и архивных ценностей (1943–1944). В мае 1944 г. он вернулся в Ленинград и в 1945 г. доставил в Пушкинский Дом из Казани временно вывезенные автографы русских писателей XVIII–XIX вв.

¹⁴ Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде: Описание / Сост. Л. Б. Модзалевский. Л., 1929 (Рукописи Пушкина в библиотеках, музеях и архивохранилищах СССР. Краткое описание. Вып. 1 / Под ред. Н. В. Измайлова и Ю. Г. Оксмана; Труды Пушкинского Дома АН СССР и Пушкинского комитета Гос. ин-та истории иск-в); Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский, Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937.

¹⁵ Памяти Л. Б. Модзалевского (1902–1948). С. 81.

¹⁶ Подробнее см. дневники военных лет директора Архива АН СССР Г. А. Князева: *Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945 гг.* СПб., 2009 (по указателю).

¹⁷ *Модзалевский Л. Б.* Материалы для биографии Н. И. Лобачевского. М.; Л., 1948.

26 июня 1948 г. Л. Б. Модзалевский погиб на полотне железной дороги, будучи сброшен с поезда Ленинград—Москва под Ленинградом при невыясненных обстоятельствах. Согласно свидетельству о смерти 11-Б № 027195 от 30 июня 1948 г., причина смерти — травматический шок ушиба головы. Л. Б. Модзалевский был командирован в Москву для получения автографов А. С. Пушкина из Государственного музея Пушкина и был убит, возможно, не без участия органов НКВД¹⁸. Ученый похоронен в Санкт-Петербурге на Волковском православном кладбище 30 июня 1948 г., Кленовый участок (Конная дорога)¹⁹.

Рукопись публикуемой диссертации Л. Б. Модзалевского, подписанная автором 28 мая 1947 г., хранится в личном фонде М. В. Ломоносова²⁰. Судя по предисловию, автор работал над текстом главного исследования своей жизни в 1941–1947 гг. Рукопись была защищена в качестве докторской диссертации, т. е. являлась внеплановой работой Л. Б. Модзалевского по Архиву АН СССР и Институту литературы АН СССР, и до сих пор остается объектом авторского права. 12 февраля 2010 г. ответственным редактором книги было получено письменное разрешение на ее публикацию от наследников Л. Б. Модзалевского: Модзалевского Николая Львовича, Модзалевской Марины Львовны, Модзалевской Татьяны Львовны, Модзалевской Елены Борисовны — внучки и законного представителя старшего его сына, умершего Модзалевского Бориса Львовича, за что Санкт-Петербургский филиал Архива РАН и все лица, готовившие рукопись к печати, выражают им свою признательность.

Публикуемая монография — одно из первых в отечественной науке комплексных фундаментальных исследований по истории русской литературы, науки и культуры века Просвещения, базирующееся на анализе архивных документов личного фонда М. В. Ломоносова и богатейших делопроизводственных материалов Императорской Академии наук, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, а также материалов Рукописного отдела Пушкинского Дома РАН и других архивохранилищ. «Л. Б. Модзалевский несомненно занимал одно из первых мест среди советских специалистов архивного дела, — говорится в его некрологе. — Превосходный знаток документов, он обладал исключительным умением оценить историческое и литературное значение всякого найденного документа и осветить его связь с историческими фактами. В архивных разведках Льву Борисовичу чрезвычайно помогали... его исключительный дар распознавания почерков и отличная зрительная память, позволявшие точно определять принадлежность рукописи»²¹.

¹⁸ Иванова Т. Г. Рукописный отдел... С. 304.

¹⁹ Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель / Сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб., 1993. С. 352. № 58.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 20, оп. 8, д. 258. 581 л.

²¹ Памяти Л. Б. Модзалевского (1902–1948). С. 82.

Текст настоящей книги свидетельствует, что Л. Б. Модзалевский блестяще ориентировался не только в архивных источниках, но и в опубликованной ломоносовиане, благодаря чему в научный оборот был введен ряд неизвестных ранее материалов о жизни и деятельности М. В. Ломоносова. Последний фундаментальный труд ученого, являющийся результатом многолетних архивных и библиографических изысканий, «свидетельствует не только об отличной ориентации автора в архивных материалах, но и о его особых изыскательских способностях. Являясь бесспорно одним из лучших текстологов нашего времени, Л. Б. Модзалевский выявил большое число автографов Ломоносова, которые оставались незамеченными его предшественниками» — констатировала его коллега по Архиву АН СССР Е. С. Кулябко²².

В предисловии Л. Б. Модзалевский обосновывает тему, структуру и хронологические рамки работы: «Изучая академическую среду ломоносовского времени и как историк Академии наук, и как биограф Ломоносова, я не мог не коснуться его взаимоотношений со многими деятелями Академии наук середины XVIII века. То, что я не мог найти для этой темы в официальных документах Архива Академии наук СССР, я естественно стал искать в частной переписке как самого Ломоносова, так и его современников. Только идя по этому пути, я мог надеяться по отдельным намекам частной переписки восстановить не только подлинную историческую атмосферу академической жизни и вскрыть внутриакадемические противоречия и борьбу Ломоносова с его политическими врагами, но и попытаться ответить на ряд вопросов, связанных с литературной деятельностью Ломоносова в Академии наук». По убеждению Л. Б. Модзалевского, основоположник русской науки в своем творчестве осуществил синтез средневековых и новейшей литературных традиций. Автор анализирует его полемику с современниками — А. П. Сумароковым и В. К. Тредиаковским, впервые ставит вопрос о существовании литературной школы Ломоносова, показывает вклад создателя русской науки в развитие русского литературного языка и научной терминологии, реконструирует сложную атмосферу внутриакадемической жизни в середине XVIII в.

Еще при жизни (1948) и уже после смерти автора, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. основные фрагменты диссертации были опубликованы самим Л. Б. Модзалевским и известным советским литературоведом, членом-корреспондентом АН СССР Павлом Наумовичем Берковым (1896–1969).

В I главе «Ломоносов и Тредиаковский (Литературная полемика 1751 и 1755 гг.)» Л. Б. Модзалевский рассматривает сложные взаимоотношения двух литераторов в 1751 и 1755 гг., сознательно ограничивая изучение вопроса лишь этими годами. Автор располагал новыми, неопубликованными в то время архивными материалами, в частности, путем убедительного палеографического анализа доказывал авторство неизвестного ранее

²² Кулябко Е. С. Л. Б. Модзалевский. С. 28.

полемиического сочинения М. В. Ломоносова «Правда ненависть рождает». В приложении помещена первая редакция § 22 из Предуведомления В. К. Тредиаковского к переводу «Аргениды» (1750), о Ломоносове. Фрагмент этой главы под названием, присвоенным П. Н. Берковым, — «Литературная полемика Ломоносова и Тредиаковского в „Ежемесячных сочинениях“ 1755 года» — был издан в одном из сборников «XVIII век»²³.

Во II главе «Ломоносов и „О качествах стихотворца рассуждение“ (Из истории русской журналистики 1755 г.)» Л. Б. Модзалевский опровергает общепринятое с 1935 г. в научной литературе утверждение о принадлежности М. В. Ломоносову сочинения под названием «О качествах стихотворца рассуждение» (1755) и приписывает его авторство Г. Н. Теплову. На основе частично привлеченных новых материалов автор заново ставит вопрос о значении этого произведения в литературной полемике того времени. В приложении к главе помещено исследование «К истории „Ежемесячных сочинений“, 1755 г.». Вторая глава диссертации Л. Б. Модзалевского под авторским названием, но без приложения, была опубликована в 1962 г.²⁴, с незначительной редакторской правкой текста и библиографии, причем с оговоркой редакции, что она «не считает предлагаемое в ней решение окончательным»²⁵.

В III главе «Ломоносов и его ученик Поповский (О литературной преемственности)» Л. Б. Модзалевский освещает взаимоотношения первого русского академика и его литературного последователя поэта Н. Н. Поповского, ставит вопрос о существовании литературной школы Ломоносова, о чем до Л. Б. Модзалевского говорилось вскользь и лишь в отношении поэта И. К. Голенецкого. В приложении публикуются документы — ордера И. Д. Шумахера М. В. Ломоносову (1751, 1753), стихи и речь Н. Н. Поповского (1752–1755), с правкой М. В. Ломоносова, письма Г. Н. Теплова к И. Д. Шумахеру, фрагменты переписки И. И. Шувалова и К. Г. Разумовского (1755) и биография Н. Н. Поповского (1819). Фрагмент третьей главы был издан в 1958 г. — это текст первых шести ее параграфов, но без приложений, причем текст подвергся незначительной редакторской правке — были вырезаны или сокращены некоторые предложения, сокращены отдельные библиографические ссылки²⁶.

²³ Модзалевский Л. Б. Литературная полемика Ломоносова и Тредиаковского в «Ежемесячных сочинениях» 1755 года // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959. С. 45–65.

²⁴ Модзалевский Л. Б. Ломоносов и «О качествах стихотворца рассуждение» (Из истории русской журналистики 1755 г.) // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы / Под ред. П. Н. Беркова и И. З. Сермана. М.; Л., 1962. С. 133–162.

²⁵ Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы / Под ред. П. Н. Беркова и И. З. Сермана. М.; Л., 1962. С. 3.

²⁶ Модзалевский Л. Б. Ломоносов и его ученик Поповский (О литературной преемственности) // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 111–169.

В IV главе «М. В. Ломоносов о своих трудах», наиболее интересной для историков науки, впервые анализируется «крупнейшее автобиографическое показание Ломоносова конца 1753 г., затрагивающего... всю многообразную научную литературную и научно-организационную деятельность Ломоносова в Академии наук с 1741 по 1763 год». Она построена на неопубликованном в то время полностью собственноручном списке научных и литературных трудов М. В. Ломоносова и с максимальной полнотой позволяет реконструировать его научную и литературную деятельность. Л. Б. Модзалевский ограничился лишь творческой историей каждого из упомянутых Ломоносовым трудов. «Специалист-естественник, — пишет автор, — в дальнейшем всегда уже сможет продолжить и развить это изучение по отдельной научной специальности. Эта последняя глава моего исследования касается уже не столько истории русской литературы, сколько истории русского просвещения середины XVIII века». IV глава диссертации была опубликована в 1948 г. в одном из томов серии «Научное наследство», с изменениями и сокращениями в тексте, сделанными, скорее всего, самим Л. Б. Модзалевским²⁷.

В приложении автором помещен «Библиографический указатель основной литературы, относящейся к жизни и деятельности М. В. Ломоносова», унифицированный в настоящем издании в соответствии с современными правилами библиографического описания.

Сотрудники академического архива (К. Г. Шишкина, Е. Н. Груздева, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина) и редактор (А. С. Степанова) осуществили большую работу по подготовке рукописи к печати: сканирование и компьютерный набор машинописного текста, включающий редкую авторскую рукописную правку, провели сверку цитат источников на русском и иностранных языках, привели библиографический аппарат в соответствие с современными правилами. Текст печатается по машинописному варианту, хранящемуся в СПФ АРАН²⁸. Отдельные страницы диссертации, отсутствующие в машинописном тексте III главы, восстановлены по автографу Л. Б. Модзалевского, сохранившемуся в его личном фонде (Рукописный отдел ИРЛИ РАН, ф. 187).

Книга издается как памятник истории науки своего времени, с минимальным вмешательством в авторский текст. Орфография и пунктуация оригинала приближены к современным нормам, при этом характерные стилистические особенности сохранены. Очевидные опечатки и описки устранены, конъектурные вставки пропущенных слов отмечены угловыми скобками. Цитаты из сочинений XVIII в. в оригинале приводятся либо по старым (выпущенным до реформы орфографии 1956 г.) изданиям, либо по архивным источникам. Поскольку большинство этих текстов за прошедшее время было опубликовано и вошло в научный оборот,

²⁷ Модзалевский Л. Б. М. В. Ломоносов о своих трудах // Научное наследство. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 11–60 (издание было подписано в печать в мае 1948 г.).

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 20, оп. 8, д. 258. 581 л.

цитаты сверялись с наиболее авторитетными современными изданиями²⁹. При их отсутствии правка осуществлялась в соответствии с общепринятыми текстологическими принципами. В основном тексте сохранены все курсивные выделения и подчеркивания, а также квадратные скобки, которые Л. Б. Модзалевский использовал при пояснении цитат. Все постраничные и концевые примечания являются авторскими. Согласно современным правилам унифицированы названия ведомств, учреждений, титулатура государей. Оформление библиографического аппарата также модернизировано, что позволило точнее передавать библиографические описания. При этом составлен список сокращений, в который вошли названия источников, дававшиеся в сокращении самим Л. Б. Модзалевским. Учитывался и опыт предыдущих публикаций (1948, 1958, 1959, 1962 гг.), по которым значительные фрагменты диссертации Л. Б. Модзалевского были известны читателям³⁰. Том снабжен именованным указателем, который отсутствует в рукописи (составитель А. С. Степанова).

Наука никогда не стоит на месте. То, что было сделано Л. Б. Модзалевским, за прошедшие 64 года дополнялось, расширялось, углублялось, рассматривалось иначе, с учетом новых архивных находок, с новых точек зрения. Специалистом по истории русской литературы XVIII в., кандидатом филологических наук, ведущим научным сотрудником Отдела русской литературы XVIII века ИРЛИ РАН Н. Ю. Алексеевой написана статья, оценивающая работу Л. Б. Модзалевского с позиций современной науки и ее место в контексте становления советского литературоведения первой половины — середины XX в.

Ценность предлагаемого издания состоит прежде всего в том, что текст диссертации Л. Б. Модзалевского, главного труда его жизни, впервые издается в полном виде по последней авторской редакции. Книга, выходящая к 300-летию юбилею М. В. Ломоносова, вносит важный вклад в изучение литературного и научного наследия основоположника русской науки и будет интересна всем читателям, интересующимся историей отечественной науки и культуры XVIII века.

И. В. Тункина

²⁹ Среди них нужно назвать «Полное собрание сочинений» М. В. Ломоносова (М.; Л.: АН СССР, 1950–1983), книги серии «Библиотека поэта»: *Ломоносов М. В. Избранные произведения*. Л., 1986; *Поэты XVIII века: В 2 т.* Л., 1972; *Поэты 1790–1810-х годов*. Л., 1971; *Майков В. И. Избранные произведения*. М.; Л., 1966; *Муравьев М. Н. Стихотворения*. Л., 1967; *Сумароков А. П. Избранные произведения*. Л., 1957; *Тредиаковский В. К. Избранные произведения*. М.; Л., 1963; *Херасков М. М. Избранные произведения*. М.; Л., 1961; и др.

³⁰ В публикациях, осуществленных после смерти Л. Б. Модзалевского, П. Н. Берковым проводилась текстологическая работа, аналогичная предпринятой в данном издании: текст был приведен в соответствие действующим на тот момент нормам орфографии и пунктуации, по новым правилам оформлены библиографические ссылки, исправлены ошибки и опечатки и т. д.

**М. В. Ломоносов
и его литературные отношения
в Академии наук**

(Из истории русской литературы
и просвещения середины XVIII века)

Я бы советовал господам журналистам поосторожнее и даже пореже говорить о Ломоносове, о котором каждый русский должен говорить с величайшим душевным почитанием. Можно рассуждать как хочешь свободно о Хераскове, иногда о Сумарокове и некоторых других, но что касается до Ломоносова, то каждое слово о сем необыкновенном человеке должно быть взвешено.

Декабрист Н. И. Тургенев в дневнике 1810 г.

Предисловие

Разыскания в области изучения жизни и деятельности Ломоносова начаты были мною еще 15 лет тому назад. Будучи глубоко убежден в том, что плодотворное изучение всякого деятеля русской, да и не одной русской, культуры возможно лишь при ознакомлении с его литературным или научным наследием в широкой смысле, т. е. не только с печатными, но и с рукописными источниками, я поставил перед собою задачу всестороннего изучения в первую очередь, помимо печатных, также документальных, рукописных источников жизни и деятельности Ломоносова.

Изучение рукописного наследия великого ученого и поэта, хранящегося в основном в Архиве Академии наук СССР, выразилось в опубликовании книги, озаглавленной «Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание», вышедшей в 1937 г. В нее вошло описание 950 рукописей Ломоносова и 131 рукописи его архива; из них 54 рукописи, имеющие наиболее важное значение для биографии Ломоносова, я опубликовал в приложении к названной книге и снабдил их необходимыми пояснениями. В статье, открывающей книгу, я рассказал историю рукописей Ломоносова из его личного архива и проследил дальнейшую их судьбу, остававшуюся до этого во многом темной и невыясненной.

Помимо этой работы, явившейся результатом углубленного изучения рукописей Ломоносова, я одновременно поставил перед собою задачу всестороннего исследования социальной среды, в которой пришлось действовать и бороться великому ученому, поэту и гражданину. История Академии наук XVIII века, несмотря на основополагающие труды академиков А. А. Куника, П. П. Пекарского, М. И. Сухомлинова и других ученых, до сих пор еще не изучена. Собранные этими учеными факты не сопоставлены в должной мере, и не вскрыты взаимоотношения многих академических деятелей того времени. В частности, старая буржуазная историография была бессильна понять и осмыслить борьбу Ломоносова

в Академии наук с реакционными силами, действующими в академической среде. Только советской науке, вооруженной марксистско-ленинским мировоззрением, стало под силу в работах советских ученых уже многое понять и объяснить в этом направлении, вскрыть противоречия академической жизни того времени и показать значение Ломоносова — борца за передовые, прогрессивные идеи его века. Изучение истории Академии наук продолжается и в настоящее время в Комиссии по истории Академии наук СССР под председательством академика С. И. Вавилова, изучение жизни и деятельности Ломоносова ведет та же Комиссия, выпустившая в 1940 и 1946 гг. уже два выпуска специального Ломоносовского сборника, в которых мне довелось принимать ближайшее участие, и группа по изучению XVIII в. Института литературы Академии наук СССР под руководством Г. А. Гуковского и П. Н. Беркова. Изучая академическую среду Ломоносовского времени, я как историк Академии наук и биограф Ломоносова не мог не коснуться его взаимоотношений со многими деятелями Академии наук середины XVIII в. То, что я не мог найти для этой темы в официальных документах Архива Академии наук СССР, я, естественно, стал искать в частной переписке как самого Ломоносова, так и его современников. Только идя по этому пути, я мог надеяться по отдельным намекам частной переписки восстановить не только подлинную историческую атмосферу академической жизни и вскрыть внутриакадемические противоречия и борьбу между Ломоносовым и его политическими врагами, но и попытаться ответить на ряд вопросов, связанных с литературной деятельностью Ломоносова в Академии наук. Результатом моих новых разысканий в течение 1937–1941 гг. явилось подготовленное к печати и в ближайшее время осуществляемое издание частной переписки Ломоносова за 1737–1765 гг., снабженное обширными комментариями, основанными на многих еще не обследованных и неизданных рукописных материалах (30 авторских листов). Кроме служебных и личных отношений Ломоносова с академическими деятелями его времени, меня особенно, как филолога, интересовали литературные отношения Ломоносова в Академии наук.

Предлагаемое мною новое историко-литературное исследование (25 авторских листов) «Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века)» является отчасти результатом моих дальнейших разысканий о Ломоносове за последние (1941–1947) годы, а отчасти результатом всей предыдущей работы. Избранная мною тема литературных отношений Ломоносова велика и по своему научному значению, и по объему. Поэтому, естественно, я не смог в рамках предлагаемого исследования исчерпать ее полностью, работа над этой темой мною продолжается и дальше. Для настоящего исследования я остановился на рассмотрении следующих вопросов.

В первой главе я рассматриваю литературные отношения Ломоносова и В. К. Тредиаковского в 1751 и 1755 гг., сознательно ограничивая

изучение вопроса лишь этими годами, т. к. располагаю для этого новыми, неопубликованными материалами. В дальнейшем я предполагаю посвятить этой теме специальную работу, в которой намечаю проследить литературные взаимоотношения Ломоносова и Тредиаковского в полном их объеме, используя в основном уже опубликованный материал.

Во второй главе путем всесторонних доказательств я опровергаю принадлежность Ломоносову рассуждения «о качествах стихотворца» 1755 г. Кроме того, я выясняю, что оно принадлежит Г. Н. Теплову, и на основании частично привлеченных мною новых материалов заново ставлю вопрос о значении этого рассуждения в литературной полемике того времени.

Третья глава ставит вопрос о литературных взаимоотношениях Ломоносова и его любимого ученика, поэта Н. Н. Поповского, в плане литературной преемственности и обоснования существования литературной школы Ломоносова, о чем до сих пор говорилось лишь вскользь и отчасти в отношении только поэта И. К. Голенецкого. На очереди — реализация начатого мною изучения литературных отношений Ломоносова и его учеников И. С. Баркова, А. А. Барсова, Б. А. Волкова, А. Л. Дубровского и др.

Четвертая глава посвящена изучению впервые привлеченного мною крупнейшего автобиографического показания Ломоносова конца 1763 г., затрагивающего в сущности всю многообразную научную литературную и научно-организационную деятельность Ломоносова в Академии наук с 1741 по 1763 г. Энциклопедизм Ломоносова отразился в этом документе со всею своею яркостью. Тем труднее было его изучать. Я ограничил поэтому это изучение лишь творческой историей каждого из 81-го упомянутого в нем Ломоносовым труда. Специалист-естественник в дальнейшем всегда уже сможет продолжить и развить это изучение по отдельной научной специальности. Эта последняя глава моего исследования касается уже не столько истории русской литературы, сколько истории русского просвещения середины XVIII в.

В приложении я даю библиографию основной литературы, относящейся к жизни и деятельности Ломоносова, которая поможет ориентироваться в основных источниках, частью привлеченных мною к изучению, частью цитированных мною во всех четырех главах настоящего исследования.

Ленинград
1 мая 1947 года

Глава I
Ломоносов и Тредиаковский
(Литературная полемика 1751 и 1755 гг.)

Вопросу о литературной полемике 1750–1765 гг. посвящено большое исследование П. Н. Беркова «Ломоносов и литературная полемика его времени» (Л., 1936). В этой книге, подводящей итог ожесточенной общественно-литературной борьбе вокруг литературных выступлений Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского и дающей много нового, свежего материала, еще не бывшего в научном обращении, вскрыта также общественно-политическая обстановка середины XVIII в., в которой протекала эта литературная борьба; в частности в книге уделено значительное место и литературно-политическим столкновениям Ломоносова и Тредиаковского в связи с разработкой в России теоретических проблем русского стихосложения и русского языка на фоне классовой борьбы того времени. Как уже отмечал сам автор¹, книга эта, однако, «грешит во многом» ошибками, т. к. в ней подчеркивается «консерватизм и националистичность позиции Ломоносова» и «игнорируется его подлинная демократичность и прогрессивность, ее глубокая народность, не отрывающаяся вместе с тем русскую культуру от культуры мировой». Если отбросить эти ошибки (которые автор исправил во втором, к сожалению, не вышедшем в свет издании², книга остается и до сих пор единственным источником многообразных и ценных историко-литературных фактов, которые, будучи собраны и систематизированы П. Н. Берковым, красочно отражают процесс литературной борьбы того времени и во многом помогают уяснить литературные позиции крупнейших представителей русской литературы первой половины — середины XVIII в.

Однако в нашем распоряжении имеется целый ряд фактов литературной полемики начала 1750-х гг., которые или по-новому освещают борьбу между Ломоносовым и Тредиаковским, или дают совершенно новый

материал, вносящий ряд существенных поправок и дополнений в эту полемику. Не ставя перед собою задачу полного пересмотра этапов этой полемики, мы предлагаем вниманию исследователей в этой главе несколько историко-литературных этюдов, касающихся этой темы и по-иному освещающих литературную полемику Ломоносова и Тредиаковского.

1

Как известно, начавшиеся еще с 1740 г. споры Ломоносова с Тредиаковским по вопросу о русском стихосложении и о приоритете в открытии принципа силлабо-тонического стихосложения, рассмотренные в работах А. А. Куника, П. П. Пекарского, Г. А. Гуковского, П. Н. Беркова, Б. В. Томашевского, С. М. Бонди, Е. Я. Данько и других исследователей, получили новую пищу в 1750–1751 гг., когда Тредиаковский осуществил свой перевод аллегорического романа английского писателя Джона Баркля «Аргенида». В 1751 г. во время печатания «Предупреждения от трудившегося в переводе», составляющего под видом введения к переводу «Аргениды» рассуждение Тредиаковского о русском стопосложении, из него были исключены по требованию Ломоносова некоторые места, которые поднимали и воскрешали старый спор о приоритете В. К. Тредиаковского и о принципах русского стихосложения.

«Предупреждение» Тредиаковского направлено в основном против ломоносовского «Письма о правилах российского стихотворства» 1739 г., присланного им тогда из Фрейберга в Российское собрание при Академии наук и являющегося ответом на изданный в 1735 г. Тредиаковским «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». Этому своему «Письму» Ломоносов придавал особое значение как единственному теоретическому труду, обосновывающему его применение русского силлабо-тонического стихосложения, введенного им на практике одою на взятие Хотина 1739 г., при которой и было отослано «Письмо» в Академию наук. Впоследствии (конец 1763 г.) Ломоносов писал об этом так: «Будучи еще в Германии, послал в Россию правила стихотворческие, по которым и ныне все российские стихотворцы поступают с добрым успехом и российская поэзия пришла в доброе состояние»³.

Приготовленный в 1740 г. ответ Тредиаковского «для защищения» своего «Способа» также в виде письма (от 11 февраля 1740 г.) не был отправлен Ломоносову по той причине, что Академия наук в лице адъютантов В. Е. Адодурова и И. И. Тауберта, а также советника Канцелярии АН И. Д. Шумахера не придавала этому важному вопросу никакого значения и не послала ответа Тредиаковского «для пресечения дальнейших бесполезных и напрасных споров»⁴. Свой ответ Тредиаковский получил обратно лишь по особому ходатайству в Канцелярию АН значительно

позже, в 1743 г.⁵ У него же осталось и «Письмо» Ломоносова, присланное из Фрейберга в Российское собрание. Последнее было опубликовано только в 1778 г. в собрании сочинений Ломоносова, изданном Дамакинским (Рудневым) по тексту, «сообщенному из Санкт-Петербурга»⁶.

В период между 1743 и 1751 гг. у Тредиаковского не было возможности или повода печатно заявить о своем несогласии с развитыми в «Письме» Ломоносова теоретическими положениями, а между тем он не оставлял мысли о таком выступлении. Только в 1751 г. Тредиаковский нашел повод для напечатания своего ответа — в тексте «Предуведоления» к изданию перевода «Аргениды»⁷.

Как известно, с выпуском в свет «Аргениды» произошли некоторые затруднения. Во-первых, по отзыву акад. С. П. Крашенинникова, акад. Н. И. Попова и М. В. Ломоносова от 4 сентября 1750 г. Канцелярией АН не была пропущена в печать «дедикация», или посвящение, Тредиаковским своего перевода императрице Елизавете Петровне за найденные этой комиссией в ней «ложные мысли или излишнее ласкательство»⁸, что вызвало доношение Тредиаковского в Канцелярию АН от 17 сентября 1750 г., в котором он с своей стороны заявил о том, что Ломоносова можно также обвинять в «излишнем ласкательстве» и что похвальное слово, произнесенное им уже в 1749 г., «наполнено солецизмами, не упоминая уже о... Риторике, которая в премногих местах ложна»⁹. Во-вторых, Ломоносов опротестовал в недошедшем до нас письме к Г. Н. Теплову некоторые места «Предуведоления» к «Аргениде», в которых Тредиаковский вновь поднимал вопрос о «Письме» Ломоносова, присланном из Фрейберга в 1739 г., «о ямбическом стихе»¹⁰. Это вызвало официальное поручение президента гр. К. Г. Разумовского Ломоносову пересмотреть эти места «Предуведоления» и сообщить о них рапортом. Текст «Предуведоления» к этому времени был отпечатан уже в типографии, а после того как Ломоносов представил свой рапорт 18 февраля 1751 г. с сообщением опротестованных им мест¹¹ «Предуведоления», «которые отменить или совсем выкинуть должно для причин, о которых Канцелярия уже уведомлена», и с препровождением обратно текста предисловия Тредиаковского, — две страницы (65 и 66) его были заново перепечатаны. Это видно из специального постановления Канцелярии АН от 27 февраля 1751 г., подписанного И. Д. Шумахером и Г. Н. Тепловым. В нем между прочим говорилось, что Ломоносов «предъявил словесно Канцелярии, что сие письмо не к нему одному, Тредиаковскому, но ко всему Собранию от него было писано»¹².

Рассказывая об этом в своей статье, А. А. Куник привлек впервые к исследованию этого вопроса новые материалы, обнаружив в Публичной библиотеке корректурный экземпляр «Предуведоления» Тредиаковского к «Аргениде». Это дало возможность выяснить вопрос о том, какие именно места этого «Предуведоления» привлекли внимание Ломоносова и каков был их текст¹³. Путем сличения текстов постановления Кан-

целярии АН от 27 февраля 1751 г., корректурных листов 65–66 страниц «Предупреждения» и окончательного текста этих страниц в издании «Аргениды» 1751 г. А. А. Куник пришел к выводу о существовании трех редакций этого места «Предупреждения», которое трижды перепечатывалось. Он сделал заключение: 1) что вставленный в постановление Канцелярии АН текст о факте посылки Ломоносовым «Письма» к Тредиаковскому является первой редакцией этих страниц; 2) что находящийся в корректурных листах текст о том же факте является второй редакцией этих страниц, причем, как говорит Куник, Тредиаковский, «по всей вероятности, не совсем точно исполнил „указ“ Канцелярии» и все же оставил в тексте имя Ломоносова и 3) что текст этих страниц, окончательно отпечатанный в экземплярах «Аргениды», составляет более расширенную третью редакцию этого места с изъятием упоминания имени Ломоносова, но с включением нового текста, в котором были выдвинуты на первый план собственные заслуги Тредиаковского в вопросе о введении в России силлабо-тонического стихосложения.

Однако теперь мы можем говорить о том, что эти утверждения А. А. Куника оказываются неточными. Ни Билярскому, ни Кунику, ни Пекарскому не была известна рукопись «Аргениды», послужившая оригиналом для набора в Академической типографии. Она сохранялась еще с XVIII в. в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук и в 1931 г. передана была вместе с другими материалами по истории Академии в Архив Академии наук СССР, где мы и имели возможность с нею ознакомиться.

Рукопись эта писана частью рукою переписчика с поправками и вставками рукою Тредиаковского, а частью целиком его же рукою¹⁴. Интересующие нас страницы «Предупреждения» (65–66) под тем же заглавием находятся на страницах LIX–LX рукописи. При этом оказывается, что так называемая Куником вторая редакция текста о Ломоносове является *первой редакцией*, а окончательный текст в печатных экземплярах «Аргениды» — *второй редакцией* этого места. Никаких других редакций его не было. Дело в том, что текст, названный Куником первой редакцией, был неправильно усмотрен им в постановлении Канцелярии АН от 27 февраля 1751 г. Это постановление излагает интересующее нас место именно из подлинной первой редакции рукописи «Аргениды». Тредиаковский совершенно точно выполнил постановление Канцелярии по требованию Ломоносова, но не сразу. До перепечатки 65–66 страниц «Предупреждения» в корректуре Тредиаковский изъясил только два слова «ко мне», но в остальном текст этого места о Ломоносове в корректурном экземпляре точно совпадает с текстом первой редакции рукописи. В дальнейшем изменению подверглось в корректуре лишь то место печатного текста, которое выделено в статье А. А. Куника курсивом в связи с изъятием имени Ломоносова. В этом и заключается единственное существенное исправление, которое вынужден был сделать Тредиаковский.

Приводим текст первой редакции 65–66 страниц по рукописи «Предуведомления»:

«Иамбический стих введен в наше стихосложение [господином]* профессором Михаилом Ломоносовым после, как уж был мною** введен хорейский, также и самое основание, или лучше душа и жизнь***, всего стихосложения, именно ж, тоническое количество слогов, то есть тот склад почитать долгим, на который сила ударяет, прочие все в слове короткими. Я прошу, чтоб сказанное о сем было принято бесхитростно. Кои разглашают, что иамбической гексаметр введен к нам первыми ими, те токмо что бесстыдно тщеславятся: [господин]**** профессор Ломоносов тогда еще писал ко мне***** о сем стихе из Фрейберга, когда тщеславящиеся знали ль, что иамб, и умели ль его выговорить чисто»¹⁵.

Работа ТрEDIAKовского над «Предуведомлением» происходила, таким образом, в следующем порядке. Недошедший до нас черновик «Предуведомления» переписчик дословно переписал и передал ТрEDIAKовскому, который эту переписанную рукопись приложил к своему переводу «Аргениды». При этом он сделал на ней несколько поправок и вставок красными чернилами, часть же поправок, вероятно, перед этим он сделал черными чернилами. Последние поправки относятся, главным образом, к некоторым другим местам «Предуведомления», изъятым из текста и о которых мы будем говорить несколько дальше. Все эти поправки, вставки и изъятия, за исключением текста на с. 65–66, приняты в окончательном печатном тексте «Предуведомления». В таком виде полная рукопись «Аргениды» была представлена ТрEDIAKовским в Канцелярию АН для опубликования. Здесь «Предуведомление» было отдано для копирования, и затем эта новая, недошедшая до нас рукопись, была передана на рассмотрение Ломоносова. Между тем основная полная рукопись «Аргениды» с «Предуведомлением» была направлена в Академическую типографию для набора. Полученная затем корректура была подписана ТрEDIAKовским к печати еще 1 июня 1750 г. (помета об этом и дата на с. LXXX корректурного листа). Вызванные постановлением Канцелярии АН поправки ТрEDIAKовский внести в корректуру уже не смог, так как листы «Предуведомления» были уже отпечатаны. Пришлось заново перепечатать две страницы, о которых уже шла речь. Никаких следов чьих-либо поправок в этих страницах рукописи «Предуведомления» не находится. Несомненно, что после отсылки ее в типографию ни ТрEDIAKовский, ни кто-либо другой ею больше уже не пользовался. Окончательный же печатный

* Слово зачеркнуто ТрEDIAKовским красными чернилами.

** Слово вставлено им же теми же чернилами.

*** Слова: или лучше душа и жизнь вписаны ТрEDIAKовским теми же чернилами.

**** Слово зачеркнуто ТрEDIAKовским красными чернилами.

***** Со слов: ко мне нет в корректуре LXVI страницы.

текст 65–66 страниц, где говорилось о Ломоносове, имеет следующий завуалированный вид:

«Иамбический стих введен в наше стихосложение после того, как уж был мною введен хореический, также и самое основание, или лучше душа и жизнь всего стихосложения, именно ж, тоническое количество слогов, то есть тот склад почитать долгим, на который сила ударяет, прочие все в слове короткими. Я прошу, чтоб сказанное о сем было принято бесхитростно. Кои разглашают, что иамбический гексаметр введен к нам первыми ими, те токмо что бесстыдно тщеславятся: в Российском собрании известно было о сем стихе, когда тщеславящиеся знали ль, что иамб, и умели ль его выговорить чисто»¹⁶.

Таким образом Тредиаковский не только снял упоминание о том, что «Письмо» Ломоносова было прислано к нему, Тредиаковскому, но по собственной инициативе выкинул совсем упоминание имени Ломоносова. Несколько раньше, в своем доношении в Академию наук 19 октября 1743 г., Тредиаковский указывал более точно, что Ломоносов прислал это «Письмо» в Академию наук¹⁷. Однако общий тон о «тщеславящихся» невеждах в этом тексте остался, и в нем можно было посвященным узнать намек на А. П. Сумарокова.

Раздражение Тредиаковского против Ломоносова сказалось также в мелких, но характерных поправках, внесенных им в переписанную писарем рукопись «Предуведомления» красными чернилами. Первоначально в двух местах перед упоминанием имени «профессора Ломоносова» стояло: «господин», т. е. «господин профессор Ломоносов». Тредиаковский дважды вычеркнул это слово, и оно не попало в набор и в окончательно отпечатанный текст 65–66 страниц. Кроме того, в тексте рукописи на странице LXXI, соответствующем LXXII странице издания, в примечании, в котором даны образцы «пентаметра, сочиненного по римски», с пиррихием и без пиррихия, с вопросом «чем же один стих другого лучше?» — в рукописи приписано: «госп. профес. М. Л.», а затем слово «госп.» зачеркнуто красными чернилами. Интересно отметить, что в экземпляре «Аргениды», принадлежащем Библиотеке Академии наук СССР, это указание на авторство Ломоносова *выскоблено*.

Самый стих, приведенный Тредиаковским, читается так:

«С пиррихием:
С кем ходишь всегда, бойся того подопнуть.
Без пиррихия:
Ходишь с кем всегда, бойся того подопнуть.
Пентаметр, сочиненный по-римски
профес. М. Л.»

Приведенный Тредиаковским стих без пиррихия действительно находится в «Письме о правилах российского стихотворства» Ломоносова¹⁸ как пример римского пентаметра.

2

Гораздо более существенное значение имеют новые материалы обнаруженной нами рукописи «Предуведомления» по вопросу о литературной полемике Третьяковского с Ломоносовым в части изъятых Третьяковским отдельных мест «Предуведомления», о чем уже кратко упоминалось выше при описании рукописи. В этих изъятых черными чернилами частях рукописи находятся три места, представляющие выдающийся интерес не только для нашей темы, но и для уяснения общественно-политических взглядов Третьяковского, еще мало изученных.

Первое место, вычеркнутое Третьяковским, содержит полемику с Ломоносовым по вопросу о каталектике стиха «ямбического гексаметра», или шестистопного ямба, и обвинение Ломоносова в невежестве в связи с названием трехдольной стопы с ударением на вторую ее долю — амфибрахийем. Для правильного понимания этого места исключенного Третьяковским текста приведем соответствующий ему текст из «Письма» Ломоносова 1739 г.:

«Третье: российские стихи красно и свойственно на *мужские, женские и три литеры гласные, в себе имеющие рифмы*, подобные италианским, могут кончиться. <... > В нашем языке толь же довольно на последнем и третьем, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится... <...>

Четвертое: российские стихи так же кстати, красно и свойственно сочетаваться могут, как и немецкие. Понеже мы *мужские, женские и тригласные* рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оных меж собою перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одне женские рифмы употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся, однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках»¹⁹.

Развивая в § 21 своего «Предуведомления» соображения о принятом для перевода «Аргениды» стихе — «гексаметре, как хореическом, так и иамбическом», Третьяковский писал: «Первый есть женския рифмы, гиперкаталект, то есть лишний слог сверх шести стоп имеющий, так что в женском первое полстишие имеет три с половиною стопы, а второе три ровно; но в мужеском первое три ровно, а второе три с половиною. Иамбический гексаметр женския рифмы есть также гиперкаталект; а мужеския акаталект, то есть полное число стоп имеющий» (с. LXIII–LXIV). Далее (на с. LXIV–LXV) Третьяковский дает объяснения этому положению и доходит до того места, в котором пишет на с. LXV–LVI о введенном им хореическом стихосложении прежде ямбического, о чем уже мы говорили выше. После приведенной нами цитаты

в рукописи (с. LVII–LVIII) и находится выпущенный текст, направленный против Ломоносова:

«Некоторые, не зная всеконечно, что каталект, акаталект и гиперкаталект, дерзновенно и поднявши голову утверждают, что иамбический женский стих оканчивается такою стопою, которая три склада имеет; а какая она есть стопа, того от незнания не именуют. Я им сказываю, что она есть амфибрахий. Но к стати ль один трисложный амфибрахий с пятью двусложными иамбами? Сие их мудрование делается для того, чтоб оный женский стих имел точно ж шесть стоп, как и мужеский. Впрочем, как они ни натягивают, только ж оный женский стих, в рассуждении мужеского, в котором равное число стоп, есть не исакаталект, а звания сего стихотворческого они потому ж не знают».

Очевидно, поняв неуместность подобных нравоучений по адресу Ломоносова спустя более десяти лет после того, как было написано его «Письмо о правилах российского стихотворства» 1739 г., и что сущность их принципиальных споров заключалась в основном не в этом, а в вопросе о приоритете введения силлабо-тонического стихосложения в России и преимуществах хореической и ямбической систем стихосложения, Тредиаковский удалил этот абзац из текста рукописи «Предуведомления» еще до сдачи ее в набор.

Второе место, вычеркнутое Тредиаковским, интересно с двух точек зрения. Оно, с одной стороны, позволяет приурочить одно произведение Тредиаковского как направленное против Ломоносова и, во-вторых, уясняет бывший до настоящего времени загадочным один рассказ Тредиаковского в его письме к Г. Н. Теплову 1750 г., озаглавленном «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю 1750».

Мы имеем в виду § 22 «Предуведомления» к «Аргениде». В рукописи его находятся две редакции этого параграфа — первая совсем неизвестная, писанная писарем²⁰, и вторая, окончательная, вошедшая в печатный текст и писанная взамен первой целиком рукою Тредиаковского²¹. Начало § 22, в котором Тредиаковский говорит о своем нововведении в десятистрочной строфе своей хореической оды, помещенной в конце перевода «Аргениды»²² (введение дактилических рифм в двух стихах между двумя четверостишиями, писанными женскими и мужскими окончаниями)²³, почти дословно совпадает с печатным текстом (с. LXXIII–LXXIV). Но затем вместо дальнейшего текста (с. LXXIV–LXXXI) с рассуждением о горацанской оде и собственного примера, для «охотников» такой оды, написанной по этому новому способу с применением дактилических окончаний в определенных местах хореических строк (перевод девятой оды из второй книги од Горация: «Не всегда дожди льют наводнение...»)²⁴, — в рукописи (с. LXXII–LXXXVI) идет текст, зачеркнутый Тредиаковским и содержащий один из резких

выпадов его против Ломоносова. Этот текст, представляющий большое значение в литературной полемике того времени, остался, конечно, тоже неизвестным Ломоносову, так как рукопись «Предуведомления» была отправлена Третьяковским прямо в типографию и в переписанный для Ломоносова текст «Предуведомления» вошла уже вторая, «нейтральная», редакция этого параграфа. Третьяковский сам вычеркнул это резкое место, побоявшись дальнейших столкновений с Ломоносовым. Это соображение имеет под собою большое основание, если принять во внимание, что положение Третьяковского в Академии наук в это время было довольно шатким: поданное им, например, 8 марта 1751 г.²⁵ прошение на имя президента о денежной помощи осталось не удовлетворенным. Ломоносов же 1 марта получил чин коллежского советника, и положение его все более и более укреплялось при дворе.

Раздражение Третьяковского против Ломоносова в этом новом выпаде сказалось исключительно ярко и резко. Третьяковский, еще собственнно не зная о том, как он примет теоретическое и практическое обоснование его нововведения в отношении дактилических окончаний в оде, написанной хореической десятистрочной строфой, уже наперед, как он говорит, «не сомневался», что «тщеславный» и «мудрствовать имеющий Архилаш Архилахич Суффенов» (таким именем Третьяковский назвал Ломоносова) «не опустит подняться и разглашать с хулою, наподобие трещотки, высокомерно а самолюбно, что он такое сочетание, не зная всеконечно свойства просодий наших, презирает, ругает, опровергает, особливо ж, что ему оно не угодно». Далее заявив, что, «сколько такой ни жарким и ни злым будет зоилом», он, Третьяковский, будет отвечать ему полным молчанием, «презирая всемерно тщеславие такого Архилаша», а в случае необходимости возразить на его «прыскание» считает нужным сказать то, что «благоразумный Эзоп в притчах своих предлагает об угрызающем псе», да и то про себя, «молча и к пустозвону не прилагая».

Далее Третьяковский привел свой перевод этой «притчи», или басни (224-й басни Эзопа), которая вошла затем в изданное Третьяковским собрание его сочинений 1752 г.²⁶ под заглавием «Пес чван». Даем этот текст по новой рукописи:

Лихому псу звонок на шею привязать
 Велел хозяин сам, чрез то б всем показать,
 Что пес тот лют добре; затем бы прочь бежали,
 Иль палку б на него в руках своих держали.
 Но злой пес, мня, что то его мзда удалства,
 Стал с спеси презирать всех лучшего сродства.
 То видя, говорил товарищ стар годами:
 «Собака! без ума ты чванишься пред нами:
 Тебе ведь не в красу, но дан в признак звонок,
 Что нравами ты зол, а разумом щенок».

При этом к третьей строке сделано характерное примечание из Плутархова «жития» греческого государственного деятеля Арата из Сикиона (род. ок. 271 г., ум. в 213 г. до н. э.): «Человеколюбящий себя, а не доброе, думает всегда, что он всех лучше», отсутствующее в печатном тексте басни 1752 г.

П. Н. Берков считал эту басню «несомненно направленной против Сумарокова»²⁷. Теперь можно определенно включить ее в ряд полемических выступлений Тредиаковского, направленных против Ломоносова, периода начала 1750-х гг., наряду с другими, и в том числе с известной «басенкой» «Самохвал» (тоже из Эзопа), включенной Тредиаковским в то же издание его сочинений 1752 г.²⁸ и, по-видимому, также связанной с «Предуведомлением» к «Аргениде»²⁹.

22-й параграф «Предуведомления» в рукописи заканчивается обращением Тредиаковского «к честным и искусным людям» о том, что если эта его «умеренная в рассуждении Архилаша поступка» будет им «неудобна», он просит, чтобы «всё сие почтено было за несказанное»; «что ж до такого Архилаша Суффенова», то он «хотя не будет верить, хотя лихом поминать, только больше того никогда не увидит» от него «и не услышит». Это не для того, «чтоб довольно трудившимся и примечавшим людям не быть против ветреного в состоянии», но для того, чтобы «многие не почли такого и впрямь за достойного в сих делах соперника». (Полный текст рукописного текста § 22 см. в приложении к настоящей главе.)

Резкость выпада Тредиаковского увеличивается еще тем, что самое имя Архилаша Архлахица Суффенова имеет определенные смыслы, которые мы расшифровываем следующим образом. Архилаш — несомненно переделка имени греческого лирика Архилоха Паросского (жившего в первой половине VII в. до н. э.), который по характеру своей поэзии был сатириком и основоположником именно *ямбической* поэзии, в частности шестистопного ямбического стиха (ямбического триметра), вошедшего затем преимущественно в драматургические произведения. В данном случае, называя этим именем Ломоносова, Тредиаковский имел в виду его пристрастие к ямбическому стиху, ставшему почти единственным употребляемым и разработанным им метром в русском стихосложении. В этом намеке, повторенном дважды (Архилаш Архлахиц) для усиления этого признака ломоносовской поэзии, и заключается обоснование Тредиаковским предполагаемого выступления Ломоносова против разрабатываемых Тредиаковским хореических и дактило-хореических метров. При этом Тредиаковский довольно прозрачно обвиняет Ломоносова в невежестве, говоря о том, что он не только не обладает необходимыми знаниями в области стихосложения, но не образован и грамматически, зная лишь чужие «лоскутки», которые неумело сшивает нитками, «как в голубиных свитках, наполняемых язвительными лешими» (см. текст в приложении). Что касается до самой фамилии — Суффинов, то можно

сделать предположение, что здесь имеется в виду производное от греческого слова *σφειός* или *σφειός*, что значит в переводе «свиной хлев» или «свинарня». Отсюда — Свинарнин или другая подобная фамилия.

Мы уже указывали, что в «Письме» 1750 г. В. К. Третьяковского к Г. Н. Теплову («Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении» и т. д.), направленном против А. П. Сумарокова³⁰, есть загадочное место о выступлении за кулисами театра А. П. Сумарокова с рассказом о неизвестном будто бы лице, назвавшем кого-то именем Архилаша Архилохича Суффенова и обвинившем в незнании этим лицом греческого языка, так как у греков нет *ичов*, как в русском языке. Вот этот рассказ Третьяковского, который делается теперь абсолютно понятным после приведенного нами места из «Предупреждения» к «Аргениде»: «Не могу удержаться, чтоб вам, государь мой [т. е. Теплов], не предложить теперь непреодолеемого доказательства в том, что Авторово [т. е. Сумарокова] знание так мало, что меньше нельзя. Пред самым представлением комедишки [«Трессотиниус»], которою Автор толь малую славу делает нашему преславному народу, действующие лица одевались и готовились к представлению. Я тогда случился быть между ширмами. Но вот и наш Автор вдруг изволил туда ж к одевающимся прийти, с очей и со всего лица в крайнем удовольствии сёрдца. Едва он успел поклониться, с кем надлежало, как оборотившись к некоторому из возлюбленнейших своих наперсников [т. е. к И. П. Елагину], заговорил: „Знаете вы что? тот и тот, именуя лицо, называет того то и того, именуя ж человека, Архилашем Архилохичем Суффеновым. Видите ль, какой он [т. е. Третьяковский] глупинькой: не знает, что у греков нет *ичов* так, как на нашем языке“. Тогда возлюбленник его [т. е. Елагин], равно как Теренциев лизоблюд Гнатон [из комедии его «Евнух»³¹], начали смеяться, животы надрывая; а ему в том помог и сам Автор. Я, слыша сей Авторов разговор и видя безумный смех одного его возлюбленника [Елагина], только лишь пожал плечами. Рассуждал я, что поистинне сим точно и подобным образом разглашает о себе Автор пред незнающими, что он человек с неба звёзды хватает искусством своим. И как же не так? Кто из незнающих греческого языка не поверит, что то Авторово правда как человека, во мнении многих, знающего, по присловию, всю Ямскую по столбам в рассуждении наук до древнего и нового красноречия касающихся? Однако вам, государь мой, я отдаю на рассуждение, кому больше пристойно имя *глупинького*, тому ль, кто греческое имя сделал с русским *ичом*, или тому, который не знает, что у греков есть в отечествах свой равномерный наш *ич*, а утверждал дерзновенно такому ж знатоку, что того нет на греческом языке? Есть у греков имена называемые *Патронимика*, а по-нашему *отчеименными*, переведены они в грамматике, из которых мужеские обще (не говоря об ионических и эолических окончаниях, также и об окончаниях женских) кончатся на *дис*, как то от *Приамос* (Приам) *Приамидис* (Приамович); от *Кρόнос* (Сатурн),

Кронидис (Кронович); от *Лаэртис* (Лаерт), *Лаертиадис* (Лаертович); от *Атрей Атреидис* (Атридович), так и от *Архилохос Архилохидис*, а сие точно по-нашему Архилохович»³².

Таким образом, исключив из «Предуведомления» к «Аргениде» свой выпад против Ломоносова, Тредиаковский в то же время (1750 г.) распространил против Ломоносова новое его прозвище — Архилаш Архилохич Суффенов, над которым в свою очередь смеялись Сумароков и группа его поэтических единомышленников во главе с И. П. Елагиным, называя Тредиаковского глупеньким, не знающим будто бы греческого языка. Тредиаковский не замедлил, вооруженный своей замечательной филологической подготовкой, ответить своим зоилам.

Заканчивая свое объяснение происхождения прозвища Ломоносова, Тредиаковский коснулся и фамилии Суффенова: «Хотел бы я знать, что Автор наш понимает чрез прозвание одного Архилаша Архилохича, которое есть *Суффенов*, как то он сам изволил сказать [здесь Тредиаковский умышленно перевел на Сумарокова сочинение прозвища Ломоносова] возлюбленнику своему [т. е. Елагину]. Я присягну, что он всеконечно того не знает. Суффен был некто Пиит в древнем Риме, по искусству своему ни к чему годный, а по тщеславию безумный и всем несносный. Может статья, что оный Архилаш Архолохович Суффенов, буде он есть на свете и ежели притом пиит, и еще тщеславный, прозван Суффеновым и от того древнего Суффена»³³. После этого разъяснения происхождения этой фамилии, которое не противоречит и нашему объяснению ее, как русского значения ее — Свинарник (могло быть и два смысла), конечно, Г. Н. Теплов должен был догадаться, что под этими прозвищами подразумевался не кто другой, как Ломоносов. Очевидно, смысл этого прозвища дошел и до самого Ломоносова. Все это способствовало обострению его личных отношений с Тредиаковским.

Так в конце 1750 и в начале 1751 г. Тредиаковский попытался выступить и отчасти выступил против Ломоносова и его поэтической системы, видя в нем своего соперника в области создания русского стихосложения. Не имея возможности в силу полного отсутствия в то время литературных журналов закрепить за собой приоритет в создании русского силлабо-тонического стихосложения, он прибегнул к помощи предисловия к своему переводу Барклаевой «Аргениды» — месту, мало подходящему не только для теоретических споров, но и особенно для личных оскорбительных выступлений по адресу своего противника. Когда же этого сделать не удалось, а пришлось отказаться от печатных выступлений по этим вопросам, Тредиаковский прибегнул к устному распространению придуманного им прозвища Ломоносова. Но и здесь его затея не удалась. Сумароков и его друзья, травившие Тредиаковского с других литературных позиций, подняли его, как он сам в этом признается, на смех.

3

В связи с «Предуведомлением» к «Аргениде» необходимо сказать еще собственно об общественно-политических убеждениях Тредиаковского середины XVIII в., для чего рукопись «Предуведомления» дает также замечательные материал.

Как известно, основная идея романа Барклая заключается в осуждении тирании; весь роман, хотя и построен на оправдании идеи абсолютной монархии, монархии просвещенного абсолютизма, тем не менее содержит традиционный в XVII и первой половине XVIII в. «урок царям». Поэтому он в условиях русской действительности середины XVIII в. приобретал определенный граждански-прогрессивный характер³⁴ и несомненно был созвучен политическим убеждениям и самого Тредиаковского, который являлся сторонником просвещенного абсолютизма, но врагом тирании. В одном из вычеркнутых Тредиаковским мест «Предуведомления» к переводу «Аргениды» мы находим концентрированный, подчеркнутый переводчиком, антитиранический характер приведенной им цитаты из папских максим (узаконений). В них призыв к свержению тирана и право народа производить подобное свержение прозвучали так громко и значительно, что Тредиаковский сам испугался возможных последствий подобного цитирования, и несмотря на то, что внешне эта цитата была прикрыта им словесными узорами осуждения, он ее исключил, совершенно переработав соответствующее место «Предуведомления».

Даем параллельные их тексты:

<i>Печатный текст (с. V–VII)</i>	<i>Рукописный текст (с. IV–VI)</i>
Королевская власть долженствует иметь пределы, пребывая токмо в тех своих границах и прочее многое и неистовое. Сюда ж принадлежат и папские так названные максимы [узаконения], в иезуитском мозгу рожденные, между которыми есть одна толикого нечестия, что и вспомнить об ней ужасно. Боже мой! что сие есть иное, как токмо возбуждать подданных к лютотому и ненавистному возмущению, лишать сердца дражайшего спокойствия, законопреступствовать пред тобою, царем вселенныя, и вверх дном, без твоего благоволения, обращать государства? А однако сие против помазанников божиих последнее правило положено не от мирских людей*. «Можно ль бы подумать, чтоб толикою желчию наполнены были некоторое сердца,	Королевская власть долженствует иметь пределы, пребывая токмо в тех своих границах, что подданным дано от природы право над своими государями; что они справедливо убивать могут тиранов и что позволено быть им недовольными государевыми пороками. Сюда принадлежат и папские так названные максимы [узаконения], в иезуитском мозгу рожденные, между которыми есть сия*: «неспособный государь ради злых своих нравов, ради худого правления, ради недостатков разума может быть низложен, но так, чтоб сперва его увещевать, потом уже, наказав, лишить престола, дабы подданных избавить от ига недолжного ему послушания». Боже мой! Что сие есть иное, как токмо возбуждать подданных к лютотому и ненавистному возмущению,

<p>служащие алтарю»? Ненависная она я богу и человекам книга, бывши напечатана в Риме 1625 года, хотя следующего и перепечатана была в Париже, однако там же, равно как и сочиненная иезуитом Марианою**, 1610 года, сожжена всенародно.</p>	<p>лишать сердца дражайшего спокойствия, законопреступствовать пред, тобою царем вселенных, и вверх дном, без твоего благоволения, обращать государства? А однако сие толь мерзкое правило положено не от мирских людей** «Можно ль бы подумать, чтоб толикою злостию наполнены были некоторые духи служащих алтарю?» Адская она я книга, бывши напечатана в Риме 1625 года, хотя следующего и перепечатана была в Париже, однако там же, равно как и сочиненная иезуитом Марианою***, 1610 года, сожжена палачом публично.</p>
<p>* Tantaе ne animis caelestibus irae. Aeneid. I. 1. ** Сноска не имеет разночтений с рукописным текстом.</p>	<p>* In habilis rex propter malos mores, malam administrationem insufficientiam, potest deponi; monendus, postea puniendus et regno priuandus et subditi ab eius oboedientia liberandi. ** Сноска не имеет разночтений с печатным текстом. *** Сноска не имеет разночтений с печатным текстом.</p>

4

Возобновившаяся в 1753 г. и принявшая еще небывалые размеры полемика вокруг сатиры И. П. Елагина «На петиметра и кокеток», в которой приняли участие почти все наличные литературные силы того времени³⁵, обострила личные отношения Ломоносова и Тредиаковского до крайних пределов. Но наступившее в 1754 г. некоторое полемическое затишье было недолговременным. Основанный в 1755 г. при Академии наук первый в России научно-литературный орган, рассчитанный на широкие читательские круги, дал новую возможность печатных выступлений для борющихся сторон. Журнал этот создавался по мысли Ломоносова, однако также не без борьбы, и победителем на этот раз оказался не он, а его академический враг, академик Г. Ф. Миллер, ставший во главе журнала в качестве его вдохновителя и редактора. Мы не будем повторять общеизвестные факты из истории организации журнала³⁶, но остановимся на тех столкновениях Ломоносова с адъюнктом Г. Н. Тепловым, которые имели в дальнейшем, как это будет видно, важное значение в возобновившейся полемике Ломоносова и Тредиаковского.

На фоне академической жизни середины XVIII в. заметную, но мало исследованную роль играл академический адъюнкт (с 1742 г.) Григорий Николаевич Теплов (род. в 1711, ум. в 1779)³⁷. Сын солдата-истопника, при помощи Феофана Прокоповича получил прекрасное образование за границей. 1 июля 1746 г. он был назначен ассессором в Академическую канцелярию, а 28 июля 1747 г. избран почетным членом Академии и одновременно определен членом Академического собрания со старшинством по чину его пред всеми академиками, кроме И. Д. Шумахера. Такая головокружительная карьера молодого Теплова основывалась тогда не на его личных научных заслугах, а исключительно на его личных отношениях к фавориту Елизаветы Петровны гр. А. Г. Разумовскому и его брату К. Г. Разумовскому, к которому он был приставлен в качестве наставника еще в годы его образования и с которым он совершил трехлетнее (1743–1746) заграничное путешествие. Это путешествие сблизило их, и когда в 1746 г. К. Г. Разумовский был назначен президентом Академии наук, деятельность Теплова в Академии наук приняла исключительный характер. Особое, привилегированное положение Теплова в Академии наук давало ему, как правой руке президента и при дружбе с Шумахером, возможность оказывать большое влияние на решение всех вопросов академической жизни, как в Конференции АН, так и в Канцелярии АН. Фактически Теплов управлял вместо Разумовского Академиею наук и являлся автором регламента АН 1747 г. Участие в дворцовом перевороте 1762 г., возведшем на престол Екатерину II, еще более возвысило Теплова. Он предал Разумовского, примкнул к партии братьев Орловых и сделал затем блестящую карьеру, получив в 1763 г. должность статс-секретаря у принятии прошений и имея право доклада непосредственно у императрицы; именно он подал ей мысль о закрепощении украинских крестьян³⁸; в 1767 г. он получил уже чин тайного советника, а с 1768 г. состоял сенатором. В то же время Теплов был несомненно одним из образованнейших и умнейших людей своего времени, был известен как писатель, философ и музыкант. Историк В. А. Бильбасов дает ему резкую характеристику, подчеркивая его аморальность: «Биография Теплова еще не написана, но, судя по делам его и по отзывам о нем современников, Теплов представляется нам лицом, выделявшимся своими отталкивающими качествами даже среди общества, не отличавшегося моральными достоинствами»³⁹.

Именно с этим человеком пришлось на протяжении более двадцати лет вести борьбу Ломоносову в Академии наук. Один из реакционнейших государственных деятелей XVIII в., убежденный крепостник, сам вышедший из «низов», Теплов и в Академии примыкал к группе академических реакционеров, состоявших преимущественно из немецких ученых, возглавлявшихся советником Канцелярии АН И. Д. Шумахером. Ломоносов никогда не мог простить Теплову того, что он, будучи «природным русским», оказался в числе тех «неприятелей наук российских», с которыми не покладая рук самоотверженно сражался Ломоносов во все время слу-

жения своего идее русского народного просвещения. В этом отношении представляет один из замечательных исторических документов письмо Ломоносова к Теплову 30 января 1761 г., в котором он открыто перечисляет Теплову все его преступления перед русским народом⁴⁰.

23 августа 1754 г. был издан указ Правительствующего сената «О сочинении по судебным местам проектов Уложения по плану прилагаемому и о представлении таковых же проектов из коллегий с их мнениями и планами на рассмотрение Сената»⁴¹. Экземпляр указа был прислан и в Академию наук с приложением «Плана к сочинению нового уложения» (получен там 24 августа)⁴². Вокруг этого указа возникла крупная борьба между двумя политическими группами в Академии. Одну из них возглавлял Ломоносов, а другую — Теплов и Шумахер. Для правильного понимания политической обстановки того времени, получившей затем отражение в литературной полемике в «Ежемесячных сочинениях», необходимо остановиться на кратком рассмотрении возникших в Академии наук разногласий в связи с исполнением этого указа Сената.

Решению правительства о пересмотре государственных установлений с целью их улучшения и внесения необходимых поправок в законодательные акты Ломоносов придавал значение важнейшего государственного дела. Это давало возможность Академии наук коренным образом пересмотреть Академический регламент 1747 г., уже к 1754 г. значительно устаревший и не отвечавший насущным нуждам академической жизни. Во многих своих частях регламент этот тормозил естественное развитие Академии наук. Подготовка материалов по пересмотру регламента была возложена Канцелярией АН на И. И. Тауберта. Независимо от этого Ломоносов в конце 1754 и начале 1755 г. трудился над специальной запиской, озаглавленной «Всенижайшее мнение о исправлении Санкт-Петербургской Академии наук». До нас дошли лишь черновые наброски Ломоносова, так как до рассмотрения этой записки в Академии дело не дошло — по причинам, о которых будет сказано несколько дальше. В этой записке Ломоносов с своей стороны подготавливал материалы для изменения Академического регламента. Намечая эти изменения, Ломоносов несомненно предполагал и свое положение в Академии наук закрепить высшим назначением, при котором он мог быть сильнее Г. Н. Теплова, И. Д. Шумахера и И. И. Тауберта, чтобы иметь возможность «пресечь коварные предприятия» и оказывать большее влияние на ход академических дел (Ломоносов намечал для себя создание должности вице-президента). 29 декабря 1754 г. между Ломоносовым и И. И. Шуваловым произошла беседа, из которой Ломоносов мог узнать⁴³, что граф К. Г. Разумовский под влиянием Теплова (автора регламента 1747 г.) и Тауберта решил не подвергать регламент Академии наук 1747 г. полностью пересмотру и изменению. Беседа с Шуваловым показала, что надежды на коренные изменения в соотношении борющихся в Академии сил не могут осуществиться. Ломоносов принял это сообщение Шувалова

очень болезненно. На следующий же день он отослал Шувалову письмо (30 декабря 1754)⁴⁴, в котором пришел к мысли покинуть Академию и перейти на службу в другое ведомство. «Из вчерашнего вашего превосходительства милостивого разговора, — писал он Шувалову, — приметил я, что злоба *преодолеет благости*⁴⁵, — подкрадываясь под святость высочайших повелений. Итак, ежели невозможно, чтобы я по моему всепокорнейшему прошению был произведен в Академии *для пресечения коварных предприятий*⁴⁶, то всеуниженно ваше превосходительство прошу, чтобы Вашим отеческим предстательством переведен я был в другой корпус, а лучше всего в Иностранную коллегию, где не меньше могу принести пользы и чести отечеству». Заканчивая письмо, Ломоносов подчеркивал, чтобы в его «отбытие из Академии ясно оказалось, что она лишилась, потеряв такого человека, который чрез толь много лет украшал оную и *всегда с гонителями наук боролся, несмотря на свои опасности*»⁴⁷.

Именно к этому времени (начало января 1755 г.) и относится одно произведение, напечатанное анонимно в первой книжке «Ежемесячных сочинений» 1755 г. (январь)⁴⁸, которое отражает с чисто ломоносовским настроением тот конфликт между правдой и злобой, или ненавистью, порожденной этой правдой, за которую Ломоносов вел борьбу с Тепловым и его реакционной группой в Академии наук. Мы имеем в виду стихотворение «Правда ненависть рождает»:

Какая красота теперь себя являет?
 Какою святостью мой разум восхищает?
 Коль светел и коль чист от ней блистает луч,
 Дерзает против бурь, дерзает против туч?
 Богиня по всему и тишину приводит,
 Во чреве носит плод и с оным к нам приходит.
 И час уж наступил *, и время ей родить,
 Прекрасное дитя нам, смертным, подарить.
 Но коль ужасное чудовище родилось!
 Зубами заскрипев, на мать устремилось.
 Не так свирепствует презлобной крокодил,
 Котораго питал в себе великий Нил,
 Не так несътой волк на пасству нападает,
 Как правду ненависть рожденная терзает.
 О Правда, ты наш свет, ты солнечной восход:
 Возможно ль, чтоб тобой рожден был сей урод?
 Ты дщерь Всевышняго, ты добрых дел царица.
 Но полон скверный** плод! Бесчастна роженица!***

* *Описка*: наступит.

** *В печатном*: скверны — явная опечатка.

*** *В конце помета Г. Ф. Миллера*: Печатать в Сочинениях. Г. Ф. Миллер.

П. Н. Берков справедливо указал, что это стихотворение, посвященное «как будто абстрактной теме»⁴⁹, наводит на мысль о его полемическом характере. Мы имеем возможность положительно утверждать, что автором его был Ломоносов, а из приведенных нами материалов об академической борьбе вокруг регламента 1747 г. и личных отношений Ломоносова с Тепловым в это время — говорить о внутреннем его содержании, отражающем в аллегорической форме эту самую борьбу.

Мы располагаем той самой рукописью этого стихотворения, с которой текст его набирался для первого номера «Ежемесячных сочинений»⁵⁰. Рукопись писана писарскою рукою и не имеет подписи. В двух местах имеются поправки отдельных букв, сделанные другою рукою, но по незначительности поправок уловить характер почерка невозможно. По всей вероятности они сделаны Ломоносовым. Бумага хорошего качества, иностранного происхождения, с маркой «Pro patria» бумажной фабрики «GR», под княжеской короной. При ближайшем рассмотрении почерка нам удалось узнать его — рукопись писана актуарисом Конференции АН Готфридом Альбомом⁵¹, который именно в это время часто переписывал для Ломоносова его рукописи, представляемые в Канцелярию и Конференцию АН (см. снимок)⁵². Никто из академических поэтов (например, А. Л. Дубровский, И. С. Барков, Н. Н. Поповский и др.), кроме Ломоносова, не мог в силу своего подчиненного служебного положения, пользоваться услугами академических переписчиков. Известные нам рукописи перечисленных поэтов почти все писаны ими собственноручно, а те, которые переписывались (мы знаем один случай), писаны рукою неакадемического писаря. А Сумароков, участвовавший в «Ежемесячных сочинениях» с мартовского номера, всегда переписывал, как это нами установлено, на основании обнаруженных его рукописей, свои сочинения тоже собственноручно⁵³. То же можно сказать и о В. К. Тредиаковском⁵⁴, который, кроме этого, в это время не имея в Академии наук никакого влияния и власти и стесненный материально, не мог позволить себе роскошь пользоваться услугами переписчика. Впрочем, Тредиаковский как возможный автор интересующего нас стихотворения отпадает в силу отчетливых стилистических и метрических особенностей своей стихотворной манеры и при наличии ответа на это стихотворение, о чем будет сказано ниже. Таким образом, палеографический анализ рукописи стихотворения «Правда ненависть рождает» говорит за то, что автором его был Ломоносов.

Стихотворение писано alexandрийским стихом. Это была наряду с шестистопным ямбом постоянная метрическая форма Ломоносова для небольших стихотворений с высокой тематикой, преимущественно «надписей», а также полемических произведений данного периода его творчества. Фактура стиха, лексические элементы, гиперболы «великого Нила», стилистические, фразеологические и рифмические особенности, наличествующие в стихотворении, полностью подтверждают принадлежность стихотворения Ломоносову.

Приведем ряд примеров из его других произведений, не оговаривая специально таких особенностей, как употребление слов «дерзает», «являет», «тишина», «ужасный» и др., являющихся постоянными терминами в поэтическом языке Ломоносова (см. терминологические и др. указатели, составленные А. С. Будиловичем в его книге «Ломоносов как писатель». СПб., 1871).

Уже самый приступ, зачин стихотворения характерен для ломоносовской поэтики:

*Какой приятный Зефир веет
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснее?
Что всех умы к себе влечет?*
(Начало оды 1742 г.)

*Какая сладость льется в кровь?
(Ода 1745 г., стихи 57–58)*

*Какая светлость окружает
В толикой горести Парнасс?
(Ода 1747 г., стихи 111–112)*

*Какая речь пленяет слух?
(Ода 1761 г., стих 63)*

*Какие представляет виды
Отрадой восхищенный ум?
(Ода на 1764 год, стихи 211–212)*

*Какую радость ощущаю?
(Начало оды 1750 г.)*

Из других особенностей отметим обычную для Ломоносова рифму:
луч – туч.

*Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?*
(Вечернее размышление 1747 г., стихи 31–34)

*Монархиня, твой к нам сверкнул пресветлый луч,
Возжег и осветил всех сердце после туч.
(Надпись 18 декабря 1750 г.)*

*Как вожденный Солнца луч,
Хотя не престая сияет,
Скрывается от мрачных туч,
И не повсюду согревает...*
(Ода 1761 г., стихи 101–104)

Сияй, о новый год, прекрасно
 Сквозь густоту печальных *туч*:
 Прошло затмение ужасно,
 Умножь, умножь отрады *луч*.
 (Начало оды 1762 г. Петру III)

Параллель к 3 стиху: «*Коль светел и коль чист от ней блистает
 луч...*» —

Коль ясен был твой свет очей...
 (Ода 1754 г., стих 120)

Параллель к 5 стиху: «*Богиня по всему и тишину приводит...*» —

Богиня новыми лучами...
 (Ода 1762 г. Петру III, стих 121)

Богиню родом, красотой...
 (Ода 1757 г., стих 32)

И правда тишину лобзает.
 (Ода 1761 г., стих 219)

Отметим также часто употребляемую Ломоносовым рифму: *приводит* — *приходит* с разными вариантами:

Парнасский верьх в восторг *приводит*.
 Не Основатель ли того *приходит*?
 (Ода 18 декабря 1741 г., стихи 7–8)

Елисавета к вам *приходит*,
 Отраду с *тишиной приводит...*
 (Ода 1742 г., стихи 255–256)

К наукам мастерски *снисходит*,
 Щедротою в восторг *приводит...*
 (Ода 1750 г., стихи 25–26)

Так ныне новый год к нам счастье *приводит*,
 С твоею славою талант наш в верьх *восходит*.
 (На фейерверк на 1749 г.)

Фразе «зубами заскрыпев» соответствует фраза:

Зубами на меня скрпя...
 (Переложение псалма 34, 1750 г.)

Параллель к «ужасному чудовищу», устремляющемуся на мать:

Весь свет *чудовища* страшится,
 Един лишь смело *устремится*.
 (Ода 1754 г., стихи 154–155)

Характерны для Ломоносова при описании «ужасного чудовища» также его свирепость и злоба, что применяется даже один раз при описании крокодила:

И злобы мерзкия свирепый крокодил,
И вепрь неистовства неодолимых сил...
(На иллюминацию 25 ноября 1753 г.)

Эпитет «свирепый» также обычен для Ломоносова:

От блеску днёвного светила
Свирепой отвращает взор.
(Ода 1747 г., стихи 209–210)

Но ах, свирепа наша часть...
(Ода 1761 г., стих 45)

«Великий Нил» как олицетворение огромного водного бассейна, а в данном случае как источника питания «презлобного крокодила» — «Ненависти», находится у Ломоносова в других местах его одической поэзии:

Как Нил народы напаяет...
(Ода 1747 г., стих 158)

Но малые мои потоки
Прими в себя, как Нил широкий...
(Ода 1750 г., стих 59)

Сравни еще:

И вы! о горды пирамиды,
Чем Нильский брег отягощен...
(Ода 1750 г., стихи 123–124)

Выражению «Которого питал в себе великий Нил» соответствует:

Котора их питала прежде...
(Ода 1754 г., стих 62)

Особенно важно употребленное в стихотворении «Правда ненависть рождает» слово «паства» через два с.

У Ломоносова находим это слово именно в такой орфографии:

Плодами, паствой, блеском руд...
(Ода 1757 г., стих 144)

Наконец, глагольные формы «терзает», «терзаться» и существительное «терзанье» являются постоянными в лексике Ломоносова:

Терзает всех стихий наветы...
(Ода 1752 г., стих 123)

Терзает смертных там гонение и глад...
(Надпись на 1754 г.)

На жертву алчной смерти зеву,
Терзанью холодныя руки.
(Ода 1757 г., стих 174)

И сердцем и умом врагов ея *терзает*.
Раченье, ревность, жар *являет* внешний вид.
(Посвящение «Краткого Российского Летописца» 1760 г. вел. князю Павлу Петровичу)

Интересно также употребление слова «бесчастна», т. е. несчастна, несчастна.

У Ломоносова встречаем его неоднократно:

Бесчастные! или поистине блаженны...
(«Письмо о пользе стекла», 1752 г., стих 176)

По всем признакам я *бесчастна* примечаю...
(«Демофонт», 1752 г., д. I, явл. 1)

И что ужé теперь *бесщастной* мне начать?
(Там же, д. I, явл. 2)

Младенец лишь один с *бесчастною* сестрою...
(Там же, д. II, явл. 4)

Пойду *бесчастная*... но где мне будет скрыться?
(Там же, д. II, явл. 6)

О, как ты развращен, *бесщастной* Демофонт!
(Там же, д. II, явл. 7)

Бесщастну тайно взять и увезти чрез Понт!
(Там же, д. IV, явл. 7)

Ср. также в трагедии «Тамира и Селим» (1750 г., д. I, явл. 2 и д. V, явл. 1).

Мы далеко не исчерпали всех возможных лексических и фразеологических параллелей и совпадений, но и на основании приведенных примеров можно окончательно признать, что автором стихотворения «Правда ненависть рождает» является Ломоносов.

Для Ломоносова характерна также постановка общей философской проблемы противопоставления и родства правды и ненависти как чисто философских категорий. В то же время характерна для Ломоносова известная аллегорическая отвлеченность и абстрактность, присущая его классицистскому мышлению.

Тонко зашифрованный аллегорией смысл всего стихотворения можно раскрыть только в том случае, если принять высказанное выше

приурочение стихотворения к определенному историческому факту. Борьба Ломоносова с Тепловым и с другими «гонителями наук российских» и является тем значительным для Ломоносова фактом огромной политической важности, о котором он писал Теплову в 1761 г.: «За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю»⁵⁵. Смысл аллегории Ломоносова и заключается в том, что та *Правда* (с большой буквы), за которую Ломоносов боролся в Академии наук в течение многих лет, породила «ужасное чудовище» *ненависть*, которая, «зубами закрипев», устремилась на свою «матерь». «Ужасное чудовище» — это Теплов. Порожденный *Правдой* в лице русской царицы, «богини по всему», приведшей «тишину», т. е. предназначенной для насаждения всеобщего благоденствия своих подданных, Теплов не выполнил своего назначения, а стал «терзать» эту *Правду*, т. е. не выполнять высших, исполненных «добрых дел» предначертаний просвещенного монарха («злоба преодолевает благости» — по письму Ломоносова к Шувалову). В данном случае *Правда* — это высочайший указ о пересмотре правительственных установлений для блага подданных. «Ужасное чудовище» — это Теплов, не повинующийся добрым намерениям высочайшей власти («подкрадывается под святость высочайших повелений» — из того же письма).

Конец стихотворения вызван временным состоянием отчаяния и бессилия исправить то зло, которое наносится этим чудовищем — уродом Тепловым, олицетворяющим собою *ненависть*:

Но полон скверный* плод! Бесчастна роженица!

т. е. плод полноценен, действителен, роженица (Правда) поэтому несчастна.

5

У нас нет данных утверждать, что до Теплова дошел смысл стихотворения Ломоносова. Поданное в анонимной рукописи Г. Ф. Миллеру для печати, оно появилось тотчас же в свет в конце января 1755 г., когда вышел январский номер журнала. Во всяком случае отношения Ломоносова и Теплова к этому времени еще более обострились. Для Теплова не была тайной работа Ломоносова над пересмотром регламента 1747 г., которую Ломоносов продолжал в январе 1755 г. с еще большей энергией — после того как Шувалову удалось убедить Ломоносова не покидать своей службы в Академии наук. 15 февраля 1755 г. президент граф К. Г. Разумовский ордером в Академическое собрание приказал,

* В печати явная опечатка — усеченное окончание: скверны.

согласно указу Правительствующего сената, рассмотреть собранные И. И. Таубертом материалы по пересмотру регламента и решить вопрос, «следует ли Академический регламент в чем-либо отменить или пополнить, и ежели следует, то разобрать, каковые пополнения принадлежат к подаче в Правительствующий сенат»⁵⁶. Заседания Конференции происходили 17, 18, 21 и 23 февраля⁵⁷, и на них в основном происходило лишь чтение «учиненных г. ассессором Таубертом предложений»⁵⁸. Целью и Разумовского, и Теплова было не допустить при этом обсуждения каких-либо выступлений Ломоносова, направленных к коренному пересмотру регламента. По справедливому мнению В. И. Ламанского, Шумахер и Теплов начали внушать «слабому Разумовскому, что Ломоносов, этот фаворит Шувалова, заходит уж слишком далеко, посягает на законы, освященные царскою властью, подкапывается под власть президента»⁵⁹. В заседании 23 февраля произошел крупный скандал. «Некоторые члены, — говорится в протоколе, — подали свои мнения на письме на вторую главу предложений г. ассессора Тауберта, как о том соглашено было в прошедшем собрании, а некоторые обещали подать впредь. Г. советник Ломоносов отказался, мнение свое на письме дать не хочет. При прочтении тех мнений, когда г. советник Теплов свое стал прочесть вслух, то учинился спор от г. советника Ломоносова с некими словами, для которых г. советник Теплов объявил, что за учиненным ему от г. советника Ломоносова бесчестием с ним присутствовать в академических собраниях не может, також и г. статский советник Шумахер говорил, что свое присутствие впредь излишнее признавает; и так все члены разошлись, а Конференции секретарь на себя принял его высокографскому сиятельству о сем деле донести»⁶⁰. Впрочем, Ломоносов вопреки этому документу утверждал⁶¹, что «спор и ссора начались не в то собрание, когда разошлись, а в самое первое», т. е. 17 февраля. Это утверждение Ломоносова касается спора, возникшего уже на первом заседании, когда в проекте Тауберта он увидел новую попытку укрепления положения «чужестранных» профессоров⁶².

Результатом донесения Г. Ф. Миллера президенту было его решение «отрешить» Ломоносова «от присутствования в профессорском собрании»⁶³. Приказ президента поступил в Академию наук 10 марта, и в этот день Ломоносов написал Шувалову письмо, полное негодования на Теплова: «...дело мое с Тепловым по Канцелярии произведено письменно (как я теперь уведомился), и мне будет читать секретарь несправедливый приговор или выговор письменный! Возможно ли стерпеть, стояя за правду⁶⁴, за высочайшее повеление ея императорского величества из Правительствующего сената, которым указано все права, не взирая и на подписанные монаршескими руками, к лучшему исправить. Теплов ищет, чтобы Академический регламент (который сочинен им без согласия и без ведома академиком по его прихотям и которым он не токмо многих знатных персон обманул, но и *подкрался под святость высочайшего*

повеления ея императорского величества)⁶⁵ не был рассматриван, затем что он знает, сколь много найдено будет его пронырства. Того ради начал он отводить указ ея величества из Правительствующего сената, якобы он до Академического регламента не надлежал, чему я противился. Спор и шум воспоследовал. Я осужден! Теплов цел и торжествует. *Виноватой оправлен, правой обвинен*⁶⁶. Коварник надеется, что он и со мною так поступит, как с другими прежде... Президент наш добрый человек, только вверился в Коварника. Президентским ордерам готов повиноваться, только не Теплова». Далее Ломоносов просил <у> Шувалова заступничества перед императрицей и избавления «от Теплова ига»⁶⁷. Через 2 дня, 12 марта, Ломоносов написал новое письмо Шувалову, в котором дал некоторые дополнительные разъяснения о своем столкновении с Тепловым⁶⁸. Эти письма возымели свое действие. Благодаря заступничеству И. И. Шувалова перед императрицей Елизаветой Петровной президент вынужден был отменить свое решение. 29 марта 1755 г. он подписал ордер в Канцелярию АН, в котором распорядился свой прежний ордер о Ломоносове, не оставляя с него копии, возвратить ему обратно в оригинале, а Ломоносову объявить, «чтоб в собраниях академических ему по-прежнему присутствовать и как возможно старался изготовить к будущей ассамблее, т. е. апреля 26 числа, Слово похвальное государю императору Петру Великому, которое он давно уже обещал сочинить»⁶⁹. Рассказывая впоследствии в своей «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» (1764) об этом деле, Ломоносов писал: «По наговоркам Теплова отрешен был Ломоносов от присутствия в профессорском собрании; однако *при дворе*⁷⁰ законно оправдан и отрешение его письменно объявлено недействительным и ничтожным»⁷¹.

Так закончилась эта громкая в стенах Академии наук история. Заседания, посвященные рассмотрению регламента, прекратились⁷², Ломоносову не удалось выступить со своей запиской о «исправлении С. Петербургской Академии Наук». Власть Теплова в Академии оказалась непоколебленной, а его регламент остался неизменным. Враги Ломоносова разгадали истинный смысл замыслов Ломоносова — необходимости разделения власти в Академии между президентом и его помощником и заместителем (вице-президентом), должность, которую Ломоносов предназначал для себя, чтобы иметь большую власть над «недоброхотами приращения наук в России». П. С. Билярский справедливо указывает, что «противники Ломоносова радовались тому, что отстояли регламент и полномочия президента, а Ломоносов в своей неудаче мог утешать себя тем, что не сделал ни малейшей уступки своим противникам и ничем не поплатился за то, что не сошло бы с рук даром никому другому»⁷³.

К этому можно добавить, что Ломоносов не только «ничем не поплатился», но восторжествовал и над Разумовским и Тепловым в том, что

президент, очевидно, по указанию императрицы, должен был не только отменить свой приказ о Ломоносове, но и подтвердить ему необходимость сочинения панегирика Петру Великому, начатого еще в 1752 г., — честь по тому времени огромная.

Мы намеренно остановились так подробно на происшедшем в конце февраля 1755 г. столкновении Ломоносова с Тепловым, чтобы показать академическую обстановку того времени и обосновать исключительно враждебные личные отношения Ломоносова и Теплова в конце 1754 — начале 1755 г. Помимо значения этого факта для нашей темы, он будет иметь для нас и другое значение: когда мы будем иметь суждение в следующей главе о рассуждении «О качествах стихотворца», которое приписывается П. Н. Берковым Ломоносову⁷⁴.

В. К. Тредиаковский был свидетелем всех этих событий, так как сам присутствовал на февральских заседаниях Академической конференции и принимал участие в обсуждении предложений Тауберта по поводу регламента 1747 г. Появившееся анонимно в конце января стихотворение Ломоносова «Правда ненависть рождает», конечно, не могло остаться незамеченным в академической среде. Если мы не имеем, повторяем, доказательств, что Теплов раскрыл его автора⁷⁵, то в отношении В. К. Тредиаковского можно определенно утверждать, что он раскрыл авторство Ломоносова и вскоре же ответил на его стихотворение своим стихотворением, построенным на теме одного стиха комедии Теренция «Андрия» — «Услужность друзей, истинна ненависть рождает», который Тредиаковский поставил заголовком своего ответа Ломоносову. Не исключена также возможность, что Тредиаковский отвечал Ломоносову по поручению Теплова. Как человек беспринципный, он мог в данном случае сыграть на старой вражде Тредиаковского с Ломоносовым и «натравить» Тредиаковского на ответ. Это стихотворение появилось за обычной подписью Тредиаковского «В. Т.» в апрельской книжке «Ежемесячных сочинений» (с. 391–392). О принадлежности его Тредиаковскому впервые указал В. А. Милютин в 1851 г.⁷⁶ Мы располагаем теперь тем самым автографом его, с которого стихотворение набиралось в «Ежемесячных сочинениях»⁷⁷, и поэтому всякие сомнения на этот счет отпадают. Тредиаковского выдает, кроме того, исключительная напряженность его хореического стиха с большим количеством лексических инверсий и слов-затычек.

Приводим стихотворение Тредиаковского по печатному тексту с указанием вариантов, не вошедших в печатный текст, по рукописи.

Услужность друзей, истина ненависть рождает

(Obsequium amicos, veritas odium parit —
Теренц. в Андрии, д. I, явл. 1, стих 41)

Истина не родила; временем рождает

Ненависть она в друзьях, — стих то утверждает,

Равно ж и* Услужность: производит иногда
Полк себе так Дружных**; а однако не всегда.

Но хотя по временам, плод почто их разный?
Милый толь один! другой толь есть безобразный!
Обе из родящих в Добродетелях суть цвет;
Взор обеих красный; равных мало видит Свет,
В святость Истина весь ум благолепно вводит;
Как от солнца, луч златой от нее исходит;
Наглых бурь, туч грозных не боится та нигде:
Их превосмогает*** в крепости своей везде.
Любящая тишину буйных распрь не сносит;
Отвлекая всех от Лжи, всех к себе вьявь просит.

Первородна Правде, и любезна ей Сестра,
Обличать Неправду и ссекать ее остра.
Не имеет при своем ничего чужого.
Не тщеславна, не пышна, внутрь приемна благо.
Всем в ее чертоги царская отверста дверь.
Словом, есть богиня: ибо Вышнего та дщерь.

Се ж Услужность каковá: вся кротка, способна;
В обхождении честном есть от всех особна.
С коими общенна, предается сердцем им;
Склонна и поспешна, лености мы в ней не зрим.
Не противится отнюдь никогда упрямо;
Не приказывай ей действ, вдруг творит, что прýмо.
И предупреждает действия самá еще,
Смотрит, зря и тщится, делу чтоб не быть вотщé.
Коль в верховнейшей родством Действенности ближе,
Ищет здесь толь быть всегда предо всеми ниже.
И сия есть, вкратце, также из богинь не вновь:
Чистая на Небе родила ея Любовь.
Зная уж в обеих сих толь велику драгость,
Мнилось бы, что долг рождáть им всегдашно**** Благость.

Что ж одна раждáет Ненависть, другá Другóв,
Изъяснить ту разность мало, мню, потребно слов:
Истина и в красоте несколько сурóва;
А Услужность повсегда угождать готова.
Истина желает всюду госпожою быть;
А Услужность хочет не как всем рабыней слыть.
С правдой Истина своей твердо говорлива;

* Было: так.

** Было: Так себе содружных.

*** Было: И на них стремится.

**** Было: а) по всегда Им; б) Им умильну.

Но Услужность и терпя зрится молчалива.
Истину ль возлюбят Велемнящие? Да что ж?
Крайню Раболепность: Истинна таким как нож.

В. Т.

Смысл этого ответа Тредиаковского остро полемичен и заключает в себе несколько типичных выпадов против Ломоносова.

Вначале Тредиаковский анализирует разницу между плодами Истины (Правды) и Услужности.

Истина не родила; она со временем рождает ненависть в других. Услужность же иногда производит «полк себе дружных», но не всегда. Но почему же плоды Истины и Услужности временами бывают разными: один из них «милый», а другой «безобразный»? — задает вопрос Тредиаковский. Ведь и Правда, и Услужность («обе из родящих») являются цветом Добродетели. Обеих взор «красный», и равных между собою «мало видит Свет». Истина не боится «наглых бурь» и «грозных туч», она их «превозмогает в крепости своей» и как любящая тишину, не терпит («не сносит») «буйных распрь». «Любезная» сестра Истины — Правда «первородная» «остра ссекать» и «обличать» Неправду и не имеет ничего чужого, она «не тщеславна, не пышна», в ее чертоги «царская отверста дверь». Словом, Правда — это богиня, так как она дочь «вышнего».

Услужность же не такова: она «кротка» и «в обхождении честном» (т. е. открыто, прямо) стоит особняком; но с кем она вместе — тому предается сердцем; она подобострастна («склонна») и «поспешна» на услуги, не знает лени, никогда открыто не сопротивляется «упрямо», ей не надо приказывать, она делает все сама и еще сама предупреждает приказания, наблюдает, чтобы «делу не быть» напрасным, и если она находится в родстве с вышестоящими, имеющими власть («верхнейшей действительности»), старается «быть всегда пред всеми ниже», т. е. показать, что она не имеет значения. Услужность — тоже богиня, и не новая. На Небе, т. е. у Бога, ее родила чистая Любовь. Казалось бы, зная и в Правде и в Услужности столь великие добродетели («драгость»), можно было бы ожидать от них появления «всегдашней Благодати».

Почему же одна (Правда) рождает Ненависть, а другая (Услужность) рождает Друзей («Другов»)? Тредиаковский разъясняет эту разницу, так как полагает, что для этого не нужно много слов («мало, мню, потребно слов»):

Истина и в красоте несколько сурова,
А Услужность повсегда угождать готова.
Истина желает всюду госпожою быть;
А Услужность хочет не как всем рабыней слыть.

Истина свою правду говорит твердо и открыто, а Услужность терпит и прикидывается молчаливой («зрится молчаливо»).

Иначе говоря, Правда всегда действует открыто, а Услужность — молча, скрытно.

В заключение Третьяковский восклицает:

Истину ль возлюбят Велемнящие? Да что ж?
Крайню Раболепность: Истина таким как нож.

В последних двух строчках стихотворения и раскрывается направленность его против Ломоносова. В нем он показан как «Велемнящий» (с большой буквы), т. е. человек исключительно самонадеянный, мнящий о себе. Для таких, как он, Истина (Правда) — это нож, т. е. нечто недоступное, неприемлемое. Им присуща даже не Услужность, но «крайняя раболепность».

Такая характеристика Ломоносова не является чем-то новым со стороны Третьяковского. Достаточно указать на то, что еще в 1750 г. в вычеркнутом месте «Предупреждения» к «Аргениде», которое нами было приведено выше, Третьяковский называл Ломоносова «тщеславным», «по тщеславию безумным и всем несносным», «высокомерным», «самолюбным», а в басне «Пес чван» — «спесивым», «чванливым». Теми же эпитетами награждали Ломоносова и авторы полемических произведений (Третьяковский, Елагин) в 1753 г. Количество таких примеров можно было бы умножить, но в данном случае в этом нет особой надобности. Направленность ответа Третьяковского на стихотворение Ломоносова «Правда ненависть рождает» бесспорна.

6

Содержание этого ответа Третьяковского становится ясным, если учесть общественно-политическую обстановку в Академии наук в начале 1755 г., о которой мы говорили выше в связи с академическим инцидентом 23 февраля 1755 г. Продолжая общую линию уязвления Ломоносова, Третьяковский своим ответом наносил ему чувствительный удар по самому дорогому для него месту — Правде, которая в свете его борьбы с Тепловым и его реакционной академической группой приобретала особый, высший смысл Правды патриотического и государственного дела. А Третьяковский эту Правду сравнивал с другой «добродетелью» — Услужностью, находя в них обоих общие положительные черты и утверждая, что плод Правды является «милым», а плод Услужности «безобразным», имея в виду под этим последним плодом Ломоносова, «услужность» которого перед высшей государственной властью переходит будто бы в «раболепие». Ломоносов — это друг высочайшей власти, а отсюда — «Услужность друзей, истину ненависть рождает»: т. е. Ломоносов как раболепный исполнитель воли императрицы Елизаветы Петровны порождает своей услужливостью перед верховной властью ненависть в других, честных и бескорыстных (с точки зрения Третьяковского) подданных,

сеет вражду среди них и вообще является лицом «безобразным», как плод Услужности. В число этих честных и бескорыстных людей, любящих Правду, Тредиаковский несомненно включал себя в первую очередь, а затем, возможно, и Теплова, находившегося тогда в числе «соратников» Тредиаковского в их борьбе против Сумарокова и его поэтической школы. Достаточно указать на то, что в 1750 г. Тредиаковский написал по заказу Теплова обширный «трактат», о котором мы упоминали, — «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю»⁷⁸ 1750», направленное целиком против Сумарокова и наполненное критикой его сочинений. К началу 1755 г. отношения Тредиаковского и Теплова внешне оставались прежними, но внутренние противоречия их отношений, наметившиеся за эти годы (1750–1755) и основанные на разности их социального положения (усиление власти Теплова в Академии наук и увеличение беспорядка Тредиаковского) привели к концу года к их полному разрыву, сказавшемуся губительно на всей дальнейшей ученой и политической карьере Тредиаковского в Академии и повлекшему за собой в результате его отставку в 1759 г. Мы говорим, с одной стороны, об известном подметном («пасквильном») письме Тредиаковского к Ломоносову, подкинутом в октябре 1755 г. и содержащем в себе резкие нападки Тредиаковского против академиков-иностранцев, «злодейские ругательства советнику Теплову» и задевавшим самого президента, а с другой — о записке Теплова, написанной тогда же с разоблачениями Тредиаковского⁷⁹.

В ответе Тредиаковского на стихотворение Ломоносова «Правда ненависть рождает» сказалась также разность их литературных позиций. Обвинение Ломоносова в крайнем «раболепии», помимо того общественно-политического значения, о котором мы только что говорили, имело и другое значение. Тредиаковский хотел подчеркнуть «раболепие» Ломоносова в его литературно-художественных произведениях, в одах, которые уже по своей природе и жанру несли в себе функции славословия верховной власти, прославляли добродетели императрицы и одновременно имели характер той «гремящей», «пышной» и «надутой» поэзии, против которой выступали и Тредиаковский, и Сумароков с разных позиций их художественно-эстетического мировоззрения, разоблачая Ломоносова как «раболепного» певца Елизаветинской монархии, Тредиаковский под влиянием полемического задора сознательно закрывал глаза на другие стороны одической поэзии Ломоносова, которая несла в себе прогрессивную функцию, — дидактизм, просветительство и те «уроки царям», которые у самого Тредиаковского, может быть даже больше, чем у Ломоносова, содержатся в его переводах «Аргениды», а затем «Тилемахиды» (1766).

Тредиаковский хотел подчеркнуть также, что «крайнее раболепие» Ломоносова перед властью несовместимо с Правдой. В этом можно видеть

определенный намек Третьяковского на факты, свидетелем которых он был сам. Правда — это наказание Ломоносова за его поведение в заседании 23 февраля (распоряжение президента об «отрешении» Ломоносова от присутствия в Конференции Академии наук). «Услужность» же и особенно «крайняя раболепность» Ломоносова перед престолом привели к тому, что Правда была отвергнута, наказание было отменено высшей властью — контрраспоряжением императрицы через заступничество (то же «услужность друзей») И. И. Шувалова. Отсюда у защитников Правды родилась ненависть к несправедливости подобного исхода громкого академического инцидента.

Под такой, казалось бы, философской, отвлеченной и аллегорической формой двух произведений Ломоносова и Третьяковского мы усматриваем подлинные черты бурной общественно-политической и литературной полемики Ломоносова и Третьяковского, обусловленной их различным социальным положением и художественно-эстетическим восприятием действительности.

Так закончилась на данном этапе острая литературно-политическая борьба двух художественно-эстетических систем, своеобразными яркими представителями которых были каждый из ее представителей — и Ломоносов, и Третьяковский. Эта полемика возобновилась затем несколько позже, в 1757 г., по поводу антиклерикального ломоносовского «Гимна бороде»⁸⁰.

Приложение к главе I

Первая редакция § 22 из «Предуведомления» В. К. Третьяковского к переводу «Аргениды», 1750 года, о Ломоносове

Едва было я не позабыл, что есть у меня при самом конце повести сея еще ода. Она составлена хореическим тетраметром, а строфа ее состоит из десяти стихов. Не было б нужды предлагать, что она хореическая и десятиростишная: но есть и в ней новенькое, которое мне показалось не худым. Сие новенькое касается до сочетания рифм. Десятиростишную сию строфу я так различил, что первое в ней четверостишие обыкновенно сочетается с мужескою и женскою рифмою, равным образом и второе. Но между обоими сими четверостишиями, которые полагаются два стиха непрерывные рифмы, те я согласил дактилическою рифмою, кои прежде сего женскую также имели: сие я учинил для того, чтоб чувствительнее означить средину строфы. Употребление сие уповаю что каждому читателю покажется приятным, равно как и мне. Впрочем, мнится что в таких же подобных строфах, но иамбических, рифмы сея дактилические употреблять невозможно, потому что тетраметр иамбический будет пентаметром, так же триметр тетраметром, диметр триметром, и гекзаметр гептаметром, то есть всякий род иамбического стиха будет иметь лишнюю стопу: но хореический токмо что будет обыкновенный наш гиперкаталект. Я не сомневаюсь, что за сие новое сочетание в десятиростишных токмо, и кажется, что пристойнее хореических строфах, тщеславный, и не далее, буде и то с основанием, сочетаваемых слогов мудрствовать имеющий Архилаш Архилахич Суффенов (как в голубиных свитках, наполняемых язвительными лешими чужими лоскутками, и толь худо шиваемыми, что нити знать, нечитанными объявлениями, и глубоким незнанием не токмо того, что выше, но и того, что просто грамматическое; так может быть, уже и в недействуемых и вечно бесполезных коз огласованиях) не опустит подняться и разглашать с хулою, наподобие трещотки, высокомерно и самолюбно, что он такое сочетание, не зная всеконечно свойства прасодий наших, презирает, ругает, опровергает, особливо ж что ему оно не угодно. Но сколько такой ни жарким и ни злым будет зоилом, однако никогда от меня другого не услышит ответа, кроме молчания* для того что я отдаю всем благорассудным полное о состоянии моем и о трудах рассуждение и точное определение; презирая всемерно тщеславие такого Архилаша, и** кроме

* τῶν μνησαί, φίλον τέκνον, ἄμυνε δέ δῆιον ἄνδρα, то есть: О сих помни, любезное чадо, а от злого человека бегай. Илиад. X, стих. 84.

** φίλαντον γάρ ἄνδρα οὐ φίλόκαλον, παντὸς ἰαεὶ βέλτερον ἡγεῖσθαι, то есть: человеколюбящий себя, а не доброе, думает всегда, что он всех лучше. Плутарх в жит. Аратовом.

себя никого не видящего, а несколько заслуженную славу людей терзать сияющего, дабы пред незнающими оказать ему свою пустошь величавною дельностию; и несмотря нимало, что такой один недостойно покорыствуется, как другой Прадон, сению. Впрочем, хотя б и необходимо надобно когда было, чтоб сего сложения человеку в ответ нечто сказать; однако ж и в таком случае не надеюсь я от себя, чтоб иным чем мог прыскание его возразить, как токмо тем, что благоразумный Эзоп в притчах своих предлагает об угрызающем псе, да и сие еще тогда в себе, молча и к пустозвону не прилагая, а именно:

Лихому псу звонок на шею привязать
 Велел хозяин сам, чрез то б всем показать,
 Что пес тот лют добрѣ; затем бы прочь бежали
 Иль палку б на него в руках своих держали.
 Но злой пес, мня, что то его мзда удалства,
 «Стал с песи презирать всех лучшего сродства.
 «То видя, говорил товарищ стар годами:
 «Собака! без ума ты чванишься пред нами:
 Тебе ведь не в красу, но дан в признак звонок,
 Что нравами ты зол, а разумом щенок».

Canis mordaci, ut omnes canere illum possem pater familias insserat tinnabulum appendi ex aere parnulum. Hoc ille, quasi praemio virtutis suae, admodum superbire, et alios canes prae se contemnuere. Cui vnus senior: heus tu, inquit, ac nescis indicari prantatem morum tuorum tinnitu isto, non ornari aere corpus.

Иоаким Камерарий

Но буде и сия моя умеренная в рассуждении Архилаша поступка честным и искусным людям имеет быть тогда не угодна, то я желаю и прошу покорнейше, чтоб все сие почтено было за несказанное. Что ж до такого Архилаша Суффенова, то он хотя не будет верить, хотя лихом поминать, только больше того никогда не увидит от меня и не услышит; сие ж не для того, чтоб довольно трудившимся и примечавшим людям не быть против ветреного в состоянии: едва будет что, где б таких мыслей и нравов охуждатель исправно и без бреден мог говорить, не получив основательного наставления, а думая, что он им пользуется; но для сего, чтоб многие не почли такого и впрямь за достойного в сих делах соперника.